

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ

9(с)22
К 626

ВОЛОЧАЕВСКИЕ ДНИ

П. С. Кольцов

ВОЛОЧАЕВСКИЕ ДНИ

70809

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1962

Когда большая часть нашей Родины уже затчивала раны гражданской войны, на Дальнем Востоке еще в течение двух лет продолжалась борьба за власть Советов. Лишь 25 октября 1922 года стал свободен Владивосток, и войска японских интервентов и их белогвардейских наемников оказались сброшенными в Тихий океан. Трудящиеся Дальнего Востока, возглавляемые Коммунистической партией, одержали победу над врагами социалистической революции, проявив в борьбе с ними величайший героизм и самоотверженность. Самый яркий пример тому — взятие Волочаевских укреплений, главной твердыни врагов, получившей по праву название Дальневосточного Перекопа.

О штурме Волочаевки и других боях, завершивших разгром белогвардейщины и японской интервенции на Дальнем Востоке, о героях этих боев и рассказывается в настоящей брошюре, предназначенной для изучающих историю СССР по программе средних учебных заведений. Написал ее Петр Спиридонович Кольцов — один из составителей многотомной «Истории гражданской войны в СССР» и автор другой брошюры данной серии — «Последняя схватка с Антантой».

Отзывы о брошюре просим присылать по адресу: Москва, А-47, Мясусская площадь, 7, Госполитиздат, редакция литературы по истории советского общества.

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ РЕСПУБЛИКА В ОПАСНОСТИ

Шла весна 1921 года. Однажды в красноармейской казарме в небольшом приволжском городке в свободный час собрались бойцы. Завели разговор о предстоящей демобилизации, вспоминали свои семьи, хотелось поскорее попасть домой. Как-никак воевали несколько лет — кто прошел всю гражданскую, а кто хлебнул окопной жизни и в германскую. Теперь, когда замирились с белой Польшей и разбили Врангеля, настала пора сменить винтовку и шашку на топор и молоток. Руки истосковались по работе, да и дома ждут не дождутся. Надо отстраиваться, пахать землю, сеять хлеб, подымать заводы и фабрики...

— А не рановато ли нам складывать оружие-то? — раздался чей-то голос. — Ведь враги все еще топчут нашу русскую землю и мучают трудовой народ.

— Мучают? — спросил другой красноармеец. — Это где же?

— В ДВР.

— А что это такое «ДВР»?

— Дальневосточная республика. За Байкалом. И народ там живет наш, русский, за Советскую власть дерется. Только трудно ему. Против него и беляки, и японцы, и американцы... Я у комиссара был, там разговор шел об этом. Вот и подумал: не рано ли домой подаваться?

— А что,— сверкнул глазами молодой боец,— разрешит командир, я поеду за Байкал добывать контру.

— И я...

К добровольцам присоединилось еще несколько человек. Пошли к комиссару. Он посоветовал написать заявление. Его составляли все вместе. «Хотим, не щадя своей крови и жизни, до победы биться с белыми гадами за нашу Советскую власть»,— писали бойцы.

...А через некоторое время поезд увозил их на восток.

Железнодорожный транспорт работал тогда плохо, и только летом они добрались до Байкала. Вот и пограничная станция. Здесь много военных. Только форма у них не такая, как у красноармейцев. Все в косматых лапах с кокардами. На левом рукаве шинели выше локтя нашит красно-синий ромб. Верхняя часть алая с восходящим солнцем, нижняя — синяя. В столице Дальневосточной республики Чите, куда они вскоре приехали, над государственными учреждениями развеялись флаги — красные Полотнища, в левом углу которых на темно-синем четырехугольнике стояли буквы «Д.В.Р.».

Здесь добровольцев определили в одну из частей Народно-революционной армии — так называлась армия Дальневосточной республики. В части встретили их

очень тепло. Расспрашивали, где они воевали, как били беляков, что нового в Советской России.

Родившаяся год назад из партизанских отрядов Народно-революционная армия нуждалась в опытных бойцах и командирах, прошедших школу борьбы в рядах регулярной Красной Армии. Республика жила в постоянной опасности. На ее территории, в Приморье, находились войска японских интервентов и белогвардейцев, а на границе с Монголией и Китаем, простиравшейся с запада на восток на три с половиной тысячи километров, все время бесчинствовали белые банды.

В один из зимних дней 1921 года часть, в которой служили добровольцы, в составе 1-й Отдельной Читинской бригады отправилась на Восточный фронт. Там, недалеко от Хабаровска, у небольшой станции Волочаевка, развернулись в то время ожесточенные бои Народно-революционной армии с белогвардейскими войсками.

* * *

Советская власть на всем русском Дальнем Востоке была провозглашена в декабре 1917 года, вскоре после победы Великой Октябрьской социалистической революции в Петрограде и других центральных районах нашей страны. Однако высадившиеся в Приморье войска Японии, Соединенных Штатов Америки, Англии, Франции и других капиталистических держав вместо с белогвардейцами осенью 1918 года разгромили Советы. Центральная Советская Россия также находилась тогда в огненном кольце врагов — интервентов и белогвардейцев — и не могла прийти на помощь трудящимся Дальнего Востока. У власти в крае оказались наемники японского капитала казачьи атаманы Семе-

нов, Калмыков, Кузнецов и другие заклятые враги социалистической революции. Их руками император Японии — микадо — рассчитывал превратить этот обширный и богатый край в свою вотчину. А атаманы с помощью иностранных штыков надеялись вновь возродить старые буржуазно-помещичьи порядки. Они хотели сделать трудящихся покорными рабами, искоренить даже мысль о возможности восстановления народной власти. Японское командование требовало, чтобы население при встрече с оккупантами снимало шапки. «Наша хозяйина, тебе молчи!» — угрожающе шипели захватчики, приставив штык к груди крестьянина, и забирали все, что им нравилось. Черным вороньем разлетались по городам и селам белогвардейские сотни, сгоняя мужчин в свою армию, грабя мирное население. За отказ служить белым, дать им продовольствие пороли всю деревню, вырезали, расстреливали целые семьи. Коммунистов и советских активистов — а такими считали всех, оказывавших малейшее сопротивление новым «хозяевам», — бросали в тюрьмы, убивали без всякого суда. Японским солдатам и белым карателям была дана инструкция — большевиков безжалостно уничтожать, «вытравить большевистскую заразу».

✓ В японских и белогвардейских застенках заключенных подвергали нечеловеческим пыткам. Один из калмыковских застенков, устроенный в товарном вагоне, получил название «вагон смерти». Здесь пьяные палачи-садисты творили кошмарные дела. Они беспощадно избивали свои жертвы плетью, раскаленными шовполами, ставили голыми ногами на горячие угли, сдирали кожу, посыпали раны солью или поливали кипятком и кипящим маслом...

Мало кому удавалось вырваться живым из когтей этих мерзавцев.

Но террор и издевательства не принесли интервентам и белогвардейцам желаемых результатов. Не страх и смирение, а удесятеренная ненависть и неукротимое желание уничтожить всех насильников были ответом на эти злодеяния. Под руководством большевистских организаций возникло мощное партизанское движение. В степях Забайкалья, в Уссурийской тайге, в сопках Приморья боевые отряды рабочих и крестьян повели трудную, упорную и самоотверженную борьбу под лозунгом «За власть Советов!». Все трудовое население помогало партизанам, поэтому резервы их были неисчислимы, а безграничная ненависть к угнетателям делала их стойкими и мужественными бойцами. Нередко голодные и полураздетые, почти безоружные и неопытные в военном деле они побеждали сильного, сытого и натеревшего в кровавом разбое врага. Своей героической борьбой дальневосточные партизаны парализовали тыл колчаковских войск, сражавшихся против Красной Армии в Поволжье и на Урале, и этим оказали огромную помощь Советской республике.

✂ В начале 1920 года с армией адмирала Колчака было покончено, Сибирь освобождена, а сам Колчак расстрелян восставшими рабочими Иркутска. В это же время советские войска добивали на юге армию генерала Деникина. Победы советских войск придали новые силы партизанскому движению на Дальнем Востоке. Оно разлилось могучей волной по всему краю. Бессильные одолеть восставший народ и опасаясь за благонадежность своих солдат, проникавшихся симпатией к русской революции, западные империалистические державы вынуждены были отозвать оккупационные

войска с Дальнего Востока, а японское командование заявило о «нейтралитете» и стягивало свои разбросанные по огромной территории части поближе к Приморью.

Партизаны покинули тайгу. Жители городов и сел устраивали им торжественные встречи. С обнаженными головами, со слезами радости на глазах старики, женщины и дети выходили на улицы, по которым с гордо поднятой головой маршировали отряды закаленных бойцов с красными знаменами и с лозунгами «Вся власть Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов!».

Трудовое население ликovalo. Казалось, что кошмарные дни позади, а в разрушенном и разграбленном крае окончательно восторжествовала Советская власть.

Но... в середине марта 1920 года в Николаевске-на-Амуре, а в начале апреля — в Хабаровске, Владивостоке и других городах Приморья, где остались японские гарнизоны, интервенты коварно напали на революционные отряды. Улицы и площади были залиты кровью невинных жертв, многие дома сожжены и разгромлены артиллерией. Партизанские отряды Приморья снова ушли в тайгу и сопки, а некоторые — на левый берег Амура, куда отступили революционные части, находившиеся в Хабаровске. Попавшие в руки японских интервентов и белогвардейцев видные организаторы партизанского движения на Дальнем Востоке — С. Г. Лазо, А. Н. Луцкий, В. М. Сибирцев — приняли мученическую смерть: были сожжены в паровозной топке...

Вооруженное нападение японцев на революционные войска было тесно связано с коварными планами США, Англии и Франции, рассчитанными на разгром

социалистической революции в России. Япония наступлением с востока должна была облегчить действия белополяков и Врангеля на западе. Опасность с запада была более значительной, ибо здесь угроза нависала над центром страны.

Япония официально заявляла, что ее войска не будут выведены с Дальнего Востока, до тех пор пока там не установится «твердый порядок», под которым подразумевалась свобода для промышленников и купцов, в первую очередь японских, наживаться за счет русских рабочих и крестьян. Конечно, объяснения японской военщины были насквозь лживы. Это было чудовищное насилие над волей трудящихся края, не желавших иной власти, кроме власти Советов. Коммунистическая партия разгадала намерения империалистов и нашла мудрый выход из создавшегося положения. Уже в начале 1920 года было решено временно отказаться на Дальнем Востоке от установления Советской власти, зная непримиримость к ней империалистов, и создать здесь государство-буфер, буржуазно-демократическую республику. Временно приходилось скрепля сердце идти на уступку более сильному врагу.

В Дальневосточной республике, провозглашенной 6 апреля 1920 года, по сравнению с РСФСР делалось некоторое послабление для буржуев. Они получали равные права с рабочими и крестьянами.

Пойдя на создание буферной республики, Коммунистическая партия тем самым лишала Японию выдуманного «повода» для продолжения интервенции. В декабре 1920 года В. И. Ленин говорил делегатам VIII съезда Советов: «...как вы знаете, обстоятельства принудили к созданию буферного государства — в виде Дальневосточной республики... вести войну с Японией мы

не можем и должны все сделать для того, чтобы попытаться не только отдалить войну с Японией, но, если можно, обойтись без нее»¹.

Но далеко не все и не сразу поняли необходимость буферной республики. На сельских сходах, на рабочих собраниях то и дело слышалось:

— На кой ляд нам этот «буфер»? Даешь Советскую власть!

Коммунистам пришлось немало потрудиться, чтобы убедить рабочих и крестьян в правильности политики партии в этом вопросе. Члены партии настойчиво разъясняли:

— Как буфера у вагонов своей пружиной мягко отталкивают друг друга и не дают им столкнуться и разбиться, так и наш буфер — Дальневосточная республика — поставлен между Советской Россией и Японией, чтобы предотвратить прямое столкновение, отдалить войну с Японией, дать передышку Советской России. Этого требуют интересы революции.

С доводами ораторов соглашались, но в резолюциях обязательно записывали, чтобы ДВР ни в коем случае не отрывалась от своей матери — Советской России.

Не легко пришлось и строить этот самый «буфер». Японцы до осени 1920 года не выводили свои войска из Забайкалья, а за их спиной в Чите отсиживался атаман Семенов. «Читинская пробка» мешала объединению Дальнего Востока в единое целое. В Приморье интервенты пригрезвали бывших колчаковских офицеров. Опираясь на буржуазные партии, которые открыто действовали в республике, японское правительство всячески пыталось превратить Дальневосточную республику в придаток «страны восходящего солнца» и сде-

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 31, стр. 435.

лать правителем края своего холода атамана Семенова.

Центральный Комитет Коммунистической партии дал директиву дальневосточным коммунистам: сделать все возможное, чтобы в ДВР не ущемлялись права трудящихся, чтобы внешняя и внутренняя политика правительства ДВР не шла вразрез интересам Советской России. И коммунисты, опираясь на рабоче-крестьян-

ские массы, с честью выполняли эту трудную задачу. У власти в ДВР стоял трудовой народ, а правительство возглавляли коммунисты, широко известные в крае руководители борьбы за свободу — М. И. Губельман, А. М. Краснощеков, Н. М. Матвеев, П. М. Никифоров, Ф. Н. Петров, Д. С. Шилов и другие.

Дальневосточная республика была независима от РСФСР лишь формально. Вся деятельность правительства ДВР направлялась Центральным Комитетом РКП(б), а на месте — его полномочным органом — Дальневосточным бюро ЦК РКП(б). Советская Россия оказывала ДВР всестороннюю помощь и поддержку.

Успехи Красной Армии в борьбе против белополяков и Врангеля отрезвляюще подействовали на японских интервентов. Осенью 1920 года они наконец очи-

Государственный герб
Дальневосточной республики

стили Забайкалье. Народно-революционная армия разгромила войска атамана Семенова, и на всей территории Дальнего Востока установилась народно-революционная власть.

Однако интервенты не оставляли надежд прибрать к рукам Дальний Восток. В мае 1921 года, опираясь на поддержку японцев, буржуазные круги произвели во Владивостоке переворот и создали здесь свое правительство во главе с фабрикантом Спиридоном Меркуловым. Одновременно готовились силы для нападения на Дальневосточную республику и Советскую Россию со стороны Маньчжурии. Правительства Японии и Франции договаривались о переброске на Дальний Восток остатков разгромленной белогвардейской армии Врангеля. Летом 1921 года на территорию ДВР вторглись из Маньчжурии банды генерала Унгерна фон Штернберга. Объединенные войска Красной Армии, Народно-революционной армии ДВР и Народно-освободительной армии Монголии разгромили Унгерна. А в конце ноября 1921 года, воспользовавшись тем, что основные силы Народно-революционной армии были сосредоточены в Забайкалье, на границе с Маньчжурией, японские империалисты организовали нападение на ДВР со стороны Южного Приморья.

Народно-революционная армия проходила в это время период реорганизации. Бойцы старших возрастов были демобилизованы, распущены по домам. Поэтому Дальневосточная республика не смогла сразу дать отпор белоповстанческой армии японского наемника генерала Молчанова. Над ДВР нависла серьезная опасность. Дальбюро ЦК РКП(б) обратилось к трудящимся с призывом: «Все для победы над контрреволюцией! Все для победы на красном Приморском фронте!».

ГЕНЕРАЛ МОЛЧАНОВ ПОЛУЧАЕТ ОТПОР

Вдоль реки Уссури и железной дороги, зажатой между тайгой и границей, отступали на север войска Народной-революционной армии. У белогвардейцев было почти тройное превосходство в силах. Им противостояли малочисленные части хабаровского военного округа и партизанские отряды. Белые шаг за шагом продвигались вперед.

Они упорно рвались к Хабаровску — крупному городу, важному промышленному и административному центру края. Направив основные силы вдоль железной дороги, генерал Молчанов выслал одну из кавалерийских бригад под командованием генерала Сахарова для обхода города с тыла. С разрешения китайских властей бригада перешла на левый берег пограничной реки Уссури и, чтобы избежать встречи с народно-революционными войсками, двинулась по китайской территории. Об этом стало известно штабу Восточного фронта. Командующему партизанскими отрядами Приамурья Д. И. Бойко-Павлову было приказано организовать срыв этого маневра белогвардейцев.

Выполнение важного боевого задания Бойко-Павлов поручил партизанскому отряду Сип Ди-у. Этот отряд состоял из китайцев — звероловов-охотников, искателей женьшеня, чернорабочих, приходивших в Россию на заработки. Честные труженики, испытавшие на своей родине и в бывшей царской империи тяжкую эксплуатацию, гнет и притеснения чиновников, они, как и тысячи других китайцев, проживавших в России, с открытой душой приветствовали победу Великого Октября. Когда в крае временно одержала верх контрреволюция, труженики-китайцы вместе со своими русски-

ми братьями — рабочими и крестьянами — пошли в Красную Армию и в партизанские отряды бороться за общее дело. Они считали, что победа революции в России приблизит тот час, когда и над дворцами Пекина и хижинами китайских крестьян будут реять красные знамена освобождения.

О своих думах и чаяниях хорошо сказали китайцы — бойцы Амурской рабоче-крестьянской армии в приветствии IX чрезвычайному съезду трудящихся Амурской области:

«Всеми силами будем поддерживать власть народную, Советскую, будем защищать Советы до последней капли крови. Мы, китайские граждане, пошли с оружием в руках в помощь российскому пролетариату и власти народа, так как мы видим, что только российский пролетариат откроет темные глаза всему миру на борьбу с капиталом, и тогда только восторжествует правда и мир на земном шаре. Мы шлем проклятие кровожадным японским империалистам и их слугам — семеновской банде, которых мы готовы истребить до основания!»¹

Наиболее сознательные из бойцов-китайцев стали коммунистами. Таким был и командир Син Ди-у — опытный партизанский вожак, сын бедного крестьянина Хелунцзянской провинции, вступивший на путь революционной борьбы еще у себя на родине. Преследуемый китайскими властями за революционную деятельность, он бежал в Россию и сблизился здесь с передовыми русскими рабочими. Все, кто работал и боролся рядом с ним, любили и уважали его за трезвый

¹ В. П. Малышев. Борьба за власть Советов на Амуре. Благовещенск, 1961, стр. 308.

ум, отвагу, находчивость и безграничную преданность интересам трудового народа.

Вызвав Син Ди-у в штаб партизанских войск, Бойко-Павлов, известный на Дальнем Востоке организатор партизанского движения, хабаровский рабочий, объяснил ему обстановку и сказал:

— Штаб ставит перед тобой, товарищ Син Ди-у, задачу перерезать дорогу Сахарову у поселка Будаково, дать бой и держаться до последней возможности. В подкрепление и для связи тебе придается отряд Ковалева.

Син Ди-у по своему обыкновению тихо и не торопясь ответил:

— Сделаю, товарищ Демьян. Все сделаю.

В ту же ночь часть отряда Син Ди-у заняла Будаково, остальные перешли границу и расположились в китайской деревне Цзуньчи (напротив Будакова). В Будакове к Син Ди-у присоединился отряд Ковалева.

«Поселок Будаково, расположенный на берегу Уссури, у самой границы, стоит у подножия сопки, окруженной подковой густого леса, — рассказывает Г. Ф. Коваль. — Зимняя дорога по Уссури у поселка Будаково прижимается к высокому обрывистому правому берегу, выходит в поселке на берег и за Перемятовской сопкой вновь спускается к реке. С обоих берегов река простреливалась. Здесь Син Ди-у решил задержать белых.

По его приказу дорога у поселка Будаково, круто поднимающаяся на берег, была залита водой. К ночи образовался ледяной скат.

Сто домов казачьего поселка и китайская деревня Цзуньчи не могли вместить всех партизан. Бойцы раскладывали огромные костры и грелись на улицах.

На рассвете в Будаково пришел на лыжах казак из

станции Венюково Михаил Усов и сообщил, что белые захватили Венюково, находящееся в 17 километрах вверх по Уссури.

На следующий день к полудню разведка эскадрона Ли донесла о движении белых. Часть партизан, занимавшая левый, китайский берег, залегла в снежных окопах, а находившиеся в Будакове заняли позицию по правому берегу.

В морозной дымке показались передовые части белых. Они шли медленно, останавливались, пристально всматриваясь в направлении Будакова. Группа всадников, отделившись, приблизилась к поселку и открыла стрельбу. Партизаны не отвечали. Тогда белые с гиканьем бросились вперед. Попав на ледяную дорогу, кони падали, подминая под себя всадников. Поселок по-прежнему не подавал признаков жизни. Белые ускорили к своим.

Наступил вечер. Партизаны, лежа в снежных окопах, мерзли. Все ждали горячего дела. Противник начал артиллерийский обстрел. В поселке загорелись избы, сарай. Белые, наступая по Уссури, перестраивались. Перед построившимися к атаке кавалеристами выехали знаменосцы, заиграли в морозном воздухе горнисты. Противник, сверкая клинками, шел в атаку.

Син Ди-у приказал подпустить белых на полвыстрела.

Вновь стали падать на ледяном скате кони. Партизаны, выглядывая из своих снежных окопов, перебрасывались шутками. По команде мы открыли огонь. Первые же короткие пулеметные очереди скосили пытавшихся убежать спешившихся всадников.

Трижды пытались белые прорваться в поселок. Падали на ледяной горе кони. Противник нес потери уби-

тыми. Наконец атака прекратилась. Артиллерия белых стала нащупывать ледяную дорогу.

Всю ночь, не умолкая, била белогвардейская батарея. К утру пошла пурга, видимость уменьшилась. Часть белых пыталась выскочить к Цзуньчи, но была встречена пулеметным огнем. Кони повернули назад.

Мы знали, что противник неминуемо должен пойти на генеральный штурм. У него не было другого выхода: его солдаты находились на морозе. Партизаны по очереди грелись в избах.

Наступила вторая ночь. Гром артиллерийского обстрела нарастает. Снаряды разрушали дома. Осторожно подвезя части к поселку, противник шел настолько близко к правому берегу, что слышна была передаваемая белыми офицерами команда.

Партизаны, лежа в цепи, нервничали, готовые ринуться в бой. Но твердость и спокойствие командиров удерживали их.

По цепи с быстротой молнии передается команда Син Ди-у:

— Приготовиться к атаке! Не вставать! Подпустить врага и открыть огонь по команде. Всем на места!

Твердое слово так нужно партизанам в эти напряженные минуты! Они успокаиваются: Син Ди-у с ними.

Наконец клич:

— В атаку!

Партизанские цепи бесшумно скатились с крутого берега и свалились прямо на плечи белым. Впереди с маузером в руке Син Ди-у. Завязался рукопашный бой. Партизаны теснили противника к левому берегу. Белые пытались перестроиться и перейти в контратаку. Но вот сорвался с левой береговой кручи кавалерий-

ский эскадрон Ли. Началась рубка. Белые дрогнули. И это было бы их концом, но... на выручку Сахарову от Вяземской подоспели части Ширяева»¹.

Белогвардейская бригада полковника Ширяева вошла в тыл партизанам и заняла Будаково. Син Ди-у и Коваль вынуждены были отступить под давлением превосходящих сил. Но задание командования все-таки выполнили: бригада Сахарова была задержана больше чем на сутки...

Дальбюро ЦК РКП(б) и военное командование Дальневосточной республики принимали все меры, для того чтобы укрепить фронт. В городах формировались отряды, к Хабаровску шли эшелоны с пополнением. Но железные дороги были сильно разрушены, водокачки на многих станциях разбиты, станционные постройки сожжены. Не хватало топлива. Эшелоны подолгу застревали в пути: приходилось заготавливать дрова для паровозных топков и таскать снег для котлов. Из-за этого посланные из Забайкалья подкрепления затрачивали на дорогу неделю, а то и больше. Между тем обстановка становилась все тяжелее.

В помощь регулярным частям был послан Коммунистический отряд, сформированный из коммунистов и комсомольцев, мобилизованных хабаровским и благовещенским комитетами партии. Около 200 отважных бойцов его, занявших оборону у деревни Казакевичево, получили приказ — держаться до последнего. Против них генерал Молчанов бросил несколько сот кавалеристов. Коммунисты героически отразили несколько атак. Но слишком неравными были силы. Почти весь отряд

¹ «Китайские добровольцы в боях за Советскую власть (1918—1922 гг.)». М., 1961, стр. 107—109.

погиб на позициях. 28 героев белогвардейцы захватили в плен и после диких издевательств расстреляли.

Белые уже подходили к городу. На их пути встал прибывший из Читы Особый Амурский полк. Он занял позиции недалеко от поселка Ново-Троицкое. Четыре часа сдерживали его бойцы численно превосходящие части белогвардейцев. Команда конных разведчиков во главе с комиссаром полка Бороздиным, переправившись через Уссури, охраняла правый фланг. 30 бойцов противостояли целому кавалерийскому эскадрону в 150 сабель. Увидев стремительно наступавшую на них кавалерию, бойцы дрогнули. Тогда комиссар крикнул:

— Ни с места! Кого испугались? — и открыл огонь. Мужество комиссара, его спокойная и четкая команда отрезвили бойцов. Укрываясь за скалистыми уступами реки, они обрушили на белых ливень пуль. Десятка два белогвардейцев вылетели из седел, остальные в замешательстве повернули назад.

На главном направлении против Амурского полка наступали два полка белогвардейцев. У белых была артиллерия, у амурцев из-за сильного мороза не работали даже пулеметы. Но они стойко отражали натиск врага.

Под напором численно превосходящих войск противника полкам Народно-революционной армии пришлось отступить и оставить Хабаровск. Обстановка на фронте складывалась неблагоприятная. Связь между полками и командованием была нарушена. Кое-где началась паника. Положение спасли коммунисты, и прежде всего комиссар Амурского полка Бороздин. Он взял на себя руководство отступающими частями. Созвав командиров, Бороздин приказал навести порядок. Во главе арьергарда, прикрывавшего отход войск, стоял Ф. М. Петров-Тетерин — бывший командир одного из

партизанских отрядов в Приморье. Это был храбрый и опытный военачальник. О его геройских подвигах в сражениях с японцами и семеновцами среди дальневосточных партизан ходили легенды. Однажды он с небольшой группой кавалеристов захватил вражеский бронепоезд.

Когда части Народно-революционной армии, вынужденные оставить Хабаровск, а затем и Волочаевку, отошли на запад к соседней станции Ин, Петров-Тетерин совершил на бронепоезде глубокую разведку, чтобы выяснить расположение и намерение противника. Бронепоезда не имели права без прикрытия отходить от расположения войск более чем на 25 верст. Когда командир бронепоезда напомнил об этом, Петров-Тетерин крикнул:

— Исполняй мою команду: бронепоезд, галопом вперед!

Возвратившись из разведки, Петров-Тетерин сообщил, что к станции Ин движется большая колонна белых. По его предложению бронепоезд был разделен на две части — к одной бронированной платформе прицепили обыкновенный паровоз.

На рассвете 28 декабря 1921 года белые подошли к станции Ин. Они наступали с трех сторон: основными силами — с юга, по железной дороге — с востока, а один из отрядов был направлен через тайгу с севера в тыл инского гарнизона. Подразделения и части Народно-революционной армии заняли оборону за железнодорожной насыпью. Начался бой. Петров-Тетерин на подножке бронепоезда появлялся то на одном, то на другом конце станции, направляя артиллерийский огонь на скопления белогвардейцев. А когда белые приблизились к насыпи, командиры и комиссары с криками

«Вперед, товарищи!» повели бойцов в контратаку. Со штыками наперевес бойцы дружно ринулись на приближавшихся белогвардейцев. На помощь стрелкам подоспели кавалеристы. Враг дрогнул и начал отходить, оставляя на поле боя много убитых и раненых. Атака была отбита, и надолго.

Бой на станции Ин был первой победой Народно-революционной армии над белоновстанческими войсками генерала Молчанова.

Командующий Восточным фронтом С. М. Серышев по прямому проводу доложил о победе в Читу председателю Военного совета, министру обороны ДВР и главнокомандующему Народно-революционной армией В. К. Блохеру, недавно прибывшему из города Дайрена, где он в составе делегации ДВР вел переговоры с японцами.

Главком, выслушав доклад, ответил:

— Поздравляю... с первой крупной победой. Прошу передать всему личному составу, принимавшему участие в бою, глубокую благодарность Военсовета и Правительства. Необходимо выделить отличившихся и представить их к награде... Вчерашний успех имеет громадное моральное значение для войск, полагаю, что вы всеми мерами это используете, влив веру, бодрость и уверенность в победе в свои войска... Желаю вам и вашим войскам в дальнейшем таких же успехов...¹

— Мы служим народу, — ответил Серышев. — Ваше приветствие передам частям.

За мужество и отвагу в инском бою были награждены орденом Красного Знамени многие бойцы и

¹ «Октябрь на Амуре. 1917—1922». Благовещенск, 1961, стр. 322—324.

командиры, в том числе командир арьергарда Федор Михайлович Петров-Тетерин. Команде бронепоезда № 8 был вручен большой серебряный кубок и знамя с надписью: «За удержание станций Ин в наших руках».

Победа под станцией Ин была переломным этапом в ходе боевых действий в пользу Народно-революционной армии. Она укрепила уверенность народноармейцев в своих силах. В дальнейшем под станцией Ин в течение долгого времени шли напряженные бои, но белогвардейцам так и не удалось продвинуться дальше. Они решили закрепиться на позициях возле станции Волочаевка.

Большую помощь войскам Восточного фронта оказывали партизаны, действовавшие в ближайшем тылу генерала Молчанова. В первой половине января партизаны под командованием Д. И. Бойко-Павлова совершили дерзкий налет на Хабаровск, заставив белогвардейское командование отвести с позиций два полка.

Пока части Народно-революционной армии и партизаны вели кровопролитные бои, сдерживая дальнейшее продвижение белогвардейских войск, в тыловых районах Дальневосточной республики делалось все, чтобы укрепить фронт. На митингах и собраниях, в листовках и газетах постоянно напоминалось: «Республика в опасности! Все на защиту республики!». Обращаясь к трудящимся, Коммунистическая партия говорила:

— Помните, товарищи, что залог победы над врагами трудового народа — это единение бойца с рабочим и крестьянином. Армия на фронте борется за спокойную жизнь трудящихся в тылу, а тыл, не покладая рук, работает для фронта, чтобы армия знала, что те, чьи интересы она защищает, заботятся о ней. В ар-

ми — залог победы над врагом трудового народа, в нас — залог мощи армий!

И в ответ на эти призывы рабочие увеличивали выпуск военной продукции, крестьяне собирали и везли продовольствие для армий, молодежь из городов и сел записывалась добровольцами на фронт. К станции Ин направлялись новые подкрепления — Читинская стрелковая бригада, Троицко-Савский кавалерийский полк, отряды добровольцев. Из теплушек воинских эшелонов вырывалась и плыла над тасжкими просторами песня борцов за революцию:

Нас не сломит нужда,
Не согнет нас беда,
Рок капризный не властен над нами:
Никогда, никогда,
Никогда, никогда
Коммунары не будут рабами!..

СМОТР СИЛ

В течение всего января 1922 года в районе станции и поселка Ин сосредоточивались войска Народно-революционной армии для решительного наступления против белогвардейцев, укрепившихся возле Волочаевки. Бои, не прекращавшиеся в этот период, не дали преимущества ни одной стороне. Иногда народноармейцам удалось выбить белых с разъезда Ольгохта, расположенного между Ином и Волочаевкой, и даже прорваться на окраины Волочаевки. Однако дальше они пробиться не могли и отходили снова на свой рубеж.

28 января на станцию Ин вместе со своим полевым штабом прибыл главнокомандующий Народно-револю-

ционной армией Василья Константинович Блюхер. Он решил лично осмотреть войска и боевые позиции и взять подготовку к наступлению в свои руки. В течение двух дней Блюхер совещался с командирами, детально выяснял обстановку на фронте. А утром 31 января по его приказу был произведен парад-митинг находившихся в районе Ина боевых частей. Полки выстроились в ровные шеренги на площади возле школы. Светило солнце, дробясь на гранях штыков. Когда на трибуне появился главком, морозный воздух задрожал от оглушительного «ура!». Блюхер произнес короткую, но страстную, волнующую речь. Затем выступили другие командиры и бойцы. Все они призывали не жалеть сил и самой жизни ради победы над белогвардейцами и интервентами.

Пытливо смотрели бойцы на командиров и комиссаров, стоявших на трибуне. Многие они знали в лицо. Но были среди них и незнакомые — недавно приехавшие из Советской России. Некоторые молодые воины не видали раньше и главкома.

— А который тут Блюхер-то? — спрашивали они у ветеранов. — Вон тот, в полушубке и в ушанке? А откуда он? Офицер немецкий, что ли?

— Что ты, он русский и такой же труженик, как и мы с тобой.

Среди тех, кто ковал боевую мощь и создавал славу непобедимой в боях Красной Армии, имя выдающегося советского полководца Василия Константиновича Блюхера стоит в ряду первых. Сын крестьянина-бедняка из деревни Варщинки, Рыбинского уезда, Ярославской губернии, Блюхер прошел суровую школу жизни и борьбы. Сначала ученик в магазине купца, а позже — мальчик на побегушках, потом рабочий, затем

солдат, он рано узнал почему фунт лиха. Перенес и подзатыльники, и зуботычины, и оскорбительную брань, на которые не скупился господа — их степенства хозяева и их благородия офицеры, давая уроки послушания. А если попробуешь возмутиться, протестовать против гнета и унижения, тебя ждет казачья плеть, полицейский участок, тюрьма и каторга. За участие в забастовке Блюхер в двадцать один год тоже попал за решетку. Но сильных духом людей такие «уроки» учили лишь стойкости и мужеству в классовой борьбе против угнетателей. В 1916 году демобилизованный из армий по инвалидности Блюхер вступил в ряды большевистской партии.

Октябрьская революция застала его в Самаре. Когда атаман оренбургского казачества Дутов поднял мятеж против Советской власти, председатель самарского ревкома В. В. Куйбышев поручил Блюхеру возглавить отряд, посылаемый для освобождения занятого мятежниками Челябинска.

— Задание партии будет выполнено, — коротко ответил Блюхер.

И он выполнил его блестяще. Пригодился боевой опыт, приобретенный на империалистической войне, где Блюхер за храбрость и воинское мастерство получил два георгиевских креста, георгиевскую медаль и звание унтер-офицера.

Когда белочехи подняли мятеж, отрезали Оренбург и весь Южный Урал от Центральной России, в Белорецке собрались рабочие и красногвардейские отряды, чтобы начать отсюда героический поход на соединение с советскими войсками Восточного фронта. Во время этого похода Блюхер был избран командующим Сводным отрядом уральских рабочих. Он провел свой

отряд через уральские хребты, лесные чащи и болота Башкирии, вдоль Белой и Уфы. После трехмесячного пребывания в белогвардейском тылу, преодолев с боями полторы тысячи километров, отряд рабочих Урала соединился с войсками Красной Армии. Этот рейд Блюхера сравнивали с переходом Суворова в Швейцарию. За выдающееся полководческое искусство и героизм, проявленные во время этого похода, В. К. Блюхер был награжден правительством республики первым в стране боевым орденом Красного Знамени. В последующие годы он получил еще три таких ордена. Долгое время в нашей стране только четыре человека имели по четыре подобных награды — ими были прославленные герои-полководцы гражданской войны В. К. Блюхер, С. С. Вострецов, Я. Ф. Фабрициус и И. Ф. Федько.

С именем Блюхера связаны героические победы Красной Армии над Колчаком и Врангелем, на Урале, на Каховском плацдарме и под Перекопом. Веселый и общительный, внимательный к людям, Блюхер хорошо знал тяжелый труд солдата и всегда находил с ним общий язык. Красноармейцы любили и беззаветно верили ему, так же как он глубоко верил в преданность революции рабоче-крестьянских масс.

На Дальний Восток Блюхер был прислан по постановлению ЦК РКП(б). Партия знала его как негибаемого большевика, опытного военачальника, прекрасного организатора, человека с железной волей и бесстрашным сердцем.

Ознакомившись с обстановкой под Волочаевкой, Блюхер пришел к выводу, что наступление против белополюсманской армии придется вести в чрезвычайно трудных условиях. Перед Народно-революционной армией стоял сильный и опытный враг. В войсках гене-

В. Блюхер, П. Постышев, В. Мельников, С. Серышев

рала Молчанова было много офицеров. Вот почему во время смотра-парада, глядя на проходившие мимо шеренги воинов, главнокомандующий пристально всматривался в лица бойцов, как бы проверяя их способность и готовность к тяжелым и кровопролитным боям.

О предстоящих сражениях с белогвардейцами думал и командующий Восточным фронтом Степан Михайлович Серышев и комиссар фронта Павел Петрович Постышев. Оба они были выдающимися организаторами и руководителями партизанского движения на Дальнем Востоке. Оба прошли весь трудный путь

борьбы против японских и американских интервентов, белогвардейских банд атаманов Калмыкова и Семёнова, чехословацких мятежников.

Офицер старой царской армии С. М. Серышев после Февральской революции стал членом большевистской партии и был назначен инструктором рабоче-крестьянской Красной гвардии в Иркутске. Вместе с Сергеем Лазо он участвовал в ликвидации контрреволюционного мятежа в Иркутске в декабре 1917 года, сражался против банд атамана Семенова в Забайкалье. Белогвардейцам удалось схватить его и бросить в тюрьму. В феврале 1920 года его освободили амурские партизаны. Энергичный, инициативный, требовательный и настойчивый, С. М. Серышев был назначен командующим войсками Амурской области. Вместе с А. К. Флегонтовым, С. Г. Вележевым Серышев и Постышев возрождали революционные войска после разгрома, учиненного японскими интервентами в Приморье в начале апреля 1920 года.

Член Коммунистической партии с 1904 года, активный участник трех революций П. П. Постышев — верный сын рабочего класса, стойкий и бесстрашный солдат революции, глубоко принципиальный и справедливый, был любимцем дальневосточных партизан.

Благодаря энергии и решительности Серышева и Постышева отступившие из Приморья и Приамурья партизанские отряды были в короткий срок преобразованы в регулярные дисциплинированные части, составившие основу Народно-революционной армии. Глядя на марширующие стройные колонны, Постышев и Серышев не могли не радоваться, вспоминая, какими были первые красногвардейские и партизанские отряды. Как члену Иркутского ревкома П. П. Посты-

шеву в декабре 1917 года пришлось принимать парад только что сформированных отрядов Красной гвардии. Красногвардейцы — слесари, кузнецы, кожевники, булочники, чернорабочие, недавно взявшие в руки оружие и не знавшие строя, выглядели на том параде далеко не по-военному. Но зато у каждого в глазах сверкал огонь, каждый был полон отваги, каждый готов был отдать жизнь в борьбе с классовым врагом. Эти пролетарские кадры явились надежной опорой Советской власти. Они первыми шли в бой, они выносили на своих плечах всю тяжесть борьбы и стали основным костяком партизанских отрядов. Десятки их погибли в сражениях и в кровавых атамановских застенках, а многие ведут борьбу в тылу врага, в занятом белогвардейцами Приморье. Но немало закаленных, опытных, стойких бойцов и среди тех, кто сейчас, строго печатая шаг, уверенно марширует перед главнокомандующим на Инскому плацу. Не на всех воинах форменная одежда, тут и там виднеются полушубки и телогрейки, японские и колчаковские шинели, добытые в бою. Но вид у всех праздничный, на груди у каждого — красный бант. Одно лишь смущает бойцов, что у них на шапках вместо красноармейских звезд — кокарды, а на рукавах — красно-синие ромбы. Многим кажется обидным и даже подозрительным такое «украшение». Иногда из-за этих кокард и ромбов слышится недовольное ворчание:

— Да что же это мы, за что дрались, за что топтали собственными ногами необъятную тайгу, за что кровь проливали — чтобы сменить красную звезду на старую кокарду, на несчастный ромб? Так, пожалуй, заставят нас и погоны снова напялить. Недобрым тут пахнет, старым режимом.

Коммунисты объясняли:

— Товарищи, это решение Москвы, а вы знаете, что там всем делом руководит вождь рабочих и крестьян, вождь нашей партии товарищ Ленин.

И только это заставляло бывших партизан подчиняться приказу. Слову коммунистов верили. Они были душой армии, первыми шли в любое сражение. Под руководством П. П. Постышева, А. Т. Якимова, К. Е. Трегубенкова и других комиссаров и политработников члены партии большевиков неустанно вели политико-воспитательную, разъяснительную работу в войсках. В свободную минуту они проводили беседы с бойцами, рассказывали им о событиях в стране и во всем мире, читали вслух газеты (многие бойцы были неграмотными). А по вечерам в Народном доме инского поселка устраивались концерты. Участники самодеятельности разыгрывали небольшие сценки, декламировали стихи и басни, пели веселые частушки, в которых едко высмеивались белогвардейцы и интервенты. Тут же с короткими речами выступали командиры и комиссары. Особенно любили бойцы слушать П. П. Постышева. Он умел говорить просто, ярко и зажигательно. Большой интерес вызывали рассказы К. Е. Трегубенкова — делегата X съезда партии — о встрече с В. И. Лениным.

— А что Владимир Ильич говорил о Дальнем Востоке? Когда мы будем вместе, одной семьей с Советской Россией? — спрашивали бойцы.

Отвечая на эти и многие другие вопросы, комиссары рассказывали:

— Москва нас, товарищи, не забывает. Там сейчас тоже нелегко — в Поволжье голод. У Владимира Ильича много забот. Про наше тяжелое положение он

знает. Советская власть нам помогает — дает деньги, присылает опытных командиров, закаленных в боях с белогвардейцами добровольцев. Владимир Ильич советует быстрее разгромить генерала Молчанова — это самое главное.

Вот на конференции в Дайрене, на которой был недавно товарищ Блюхер, японские дипломаты пытались склонить нашу делегацию к тому, чтобы мы навсегда отказались от Советской власти и остались навечно в подчинении у Японии. А мы, конечно, подписать такое соглашение отказались — вот они и двинули Молчанова. И если мы разобьем этого японского наемника, то интервентам тут долго не продержаться. Японский народ хочет мира с нами, и солдаты требуют отправить их домой. Пришлось же Америке убрать от нас своих солдат. Американские капиталисты тоже переварить не могут Советскую власть, но и Японию боятся одну здесь оставлять — как бы не потерять тут лакомый кусок.

Говорят, год тому назад приехал в Москву один американский капиталист и заявил: «Мы люди деловые, нам воевать невыгодно, дайте только нам концессию на Дальнем Востоке». А Ленин ему так хитро: мы бы не возражали договориться насчет концессии, да там Япония. Об этом, конечно, узнали за границей. И японские капиталисты думают: а вдруг Америка их обхитрит. Вот буржуи и смотрят: если мы победим Молчанова, значит, мы сильны, и разговаривать с нами будут по-другому. А как мы белых разобьем, то и японцам придется убраться, и тогда мы восстановим власть Советов и объединимся в одну семью с Советской Россией. Значит, все дело в нас, и надо нам во что бы то ни стало разгромить Молчанова...

После таких бесед каждый боец еще лучше понимал свою задачу в борьбе. Вот и митинг-парад на инском плацу был нужен затем, чтобы все поняли необходимость пойти на самые тяжелые жертвы и добиться победы над врагом.

Вечером после парада бойцы долго делились впечатлениями необыкновенного дня. Смотр еще больше сплотил войска, заразил их энтузиазмом и непреклонной волей к победе. Глубоко в душу каждого воина запали лозунги, которые звучали в речах выступавших и реяли на пунцовых знаменах: «Хабаровск должен быть красным!», «Вперед, за освобождение Приморья!», «Привал на Имане — отдых во Владивостоке!».

ШТУРМ ВОЛОЧАЕВКИ

Командование Народно-революционной армии понимало, что бой под Волочаевкой будет решающий и необходимо его выиграть любой ценой. Об отступлении вообще не могло быть речи: если бы белым удалось прорваться за станцию Ин в узкую горловину Малого Хингана, то в дальнейшем удержать их было бы еще труднее. И нужно разгромить врага зимой, пока не вскрылись реки, пока равнина вокруг Волочаевки не превратилась в непроходимое болото.

В распоряжении командующего Восточным фронтом в начале февраля находились 5-й, 6-й и Особый Амурский пехотные полки, 4-й кавалерийский полк и партизанские отряды И. П. Шевчука и Ф. М. Петрова-Тетерина. Регулярные части были объединены в Сводную стрелковую бригаду под командованием бывшего начальника штаба одной из бригад 44-й дивизии Крас-

ной Армии Я. З. Покуса. Читинская бригада и Троицко-Савский кавалерийский полк составили Забайкальскую группу войск, командующим которой был назначен недавно прибывший из Советской России опытный военачальник Н. Д. Томин, сподвижник Блюхера по уральскому походу, участник боев против Колчака и белополяков. Забайкальская группа подчинялась непосредственно главному.

Разведка выяснила, что оборонительные позиции врага в Волочаевке простирались на 18 верст с севера на юг от реки Тунгуски до реки Амура, где проходила китайская граница. Это были окопы, блиндажи, огневые точки, ходы сообщений, впереди которых в несколько рядов тянулись провололочные заграждения. Проволокой были опутаны не только сопка Июнь-Карань, но также опушки леса и кустарник возле деревни Волочаевки. Кроме того, за проволокой белые создали валы из мешков с песком и облили их водой. На сильном морозе, доходившем до 40 градусов, эти валы превращались в крепкие крепостные стены. Центром укреплений была сопка Июнь-Карань. На много километров к западу от нее простиралась засыпанная снегом равнина, лишенная какой-либо растительности. Обладая Июнь-Каранью, можно было вести наблюдение и обстреливать прицельным огнем все, что появлялось перед волочаевскими укреплениями. В ближайшем тылу у белогвардейцев имелись хорошо накатанные дороги, которые веером расходились от деревни Дежневки к различным пунктам фронта. Во время сильных морозов и обжигающих ветров солдаты могли укрыться в теплых домах расположенных поблизости деревень.

Для того чтобы приблизиться к Волочаевке, войскам Народно-революционной армии надо было

преодолеть огромное пространство, занесенное глубоким, выше колен снегом, к тому же простреливаемое огнем противника. Дорог здесь не было. И на 30 верст к западу от Волочаевки — ни одного населенного пункта, где бы можно было укрыться. Лишь кое-где чернели в снегу отдельные строения у железной дороги.

Разведчики установили, что главные силы Молчанова сосредоточены в районе Волочаевки, Дежневки и Даниловки — в основном между рекой Тунгуской и линией железной дороги. Южнее железной дороги, возле деревень Нижне-Спасское и Верхне-Спасское, находился сильный отряд генерала Никитина.

Разрабатывая план штурма волочаевских укреплений, Блюхер решил, что главный удар по войскам Молчанова нанесет Сводная бригада Я. З. Покуса. Забайкальской группе войск Н. Д. Томина ставилась задача выйти к Верхне-Спасскому и Нижне-Спасскому, разгромить отряд генерала Никитина, а потом прорваться к поселку Казакевичево.

Для наступления на Волочаевку нужно было прежде всего выбить белогвардейцев с разъезда Ольгохта, чтобы развернуть там войска для штурма. 4 февраля ночью на выполнение этого задания двинулись 2-й полк Читинской бригады и 3-я артиллерийская батарея. На рассвете они неожиданно атаковали противника и к полудню выбили его из Ольгохты. Молчанов пытался отбить утраченный разъезд. С этой целью он бросил сюда большую группу войск и бронепоезд. Белым удалось даже окружить Ольгохту. Несколько раз они шли в атаку, но всякий раз откатывались обратно.

Особенно отличились в бою за Ольгохту бронепоезд № 8 и 3-я артиллерийская батарея. Командир батареи И. Н. Оглоблин и военком С. Г. Ивашинников сумели

создать непреодолимую стену заградительного огня. Артиллеристы осыпали врага картечью. Видя героическое поведение артиллеристов, молодые, необстрелянные бойцы 2-го полка Читинской бригады пошли в контратаку, и враг был отброшен на исходные позиции. Известие об этой победе необычайно воодушевило народноармейцев. 3-я батарея была награждена орденом Красного Знамени и получила серебряный кубок с надписью: «За беспримерную и лихую работу в ночь с 7 на 8 февраля 1922 года под разъездом Ольгохта».

К Ольгохте были посланы части Сводной бригады для занятия исходного положения перед штурмом. Забайкальская группа получила задание двигаться в амурском направлении. Лихорадочно велась подготовка к штурму. Ремонтировались мосты, чтобы можно было пододвинуть бронепоезда к волочаевским укреплениям, подвозились боеприпасы, проверялась исправность оружия.

На рассвете 10 февраля Сводная стрелковая бригада получила приказ перейти в решительное наступление. Из ее состава был выделен отряд под командованием В. В. Гурского, который должен был обойти сопку Июнь-Карань и ударить по Волочаевке с севера. 6-й полк вел наступление южнее железной дороги, а один батальон Амурского полка с двумя танками «репо», отбитыми год назад у белогвардейцев, наступал в центре, вдоль железнодорожного полотна.

Пока полки Сводной бригады сосредоточивались для штурма, посланные в тыл белым партизанские отряды под общим командованием Ф. М. Петрова-Тетерина уже вели бой с войсками полковника Черкеса у деревни Архангеловки. Передовую группу партизан возглавлял коммунист И. П. Шевчук — опытный пар-

тизанский вожак. Это был прямой и честный человек, беззаветно преданный революции.

Белые хорошо знали Шевчука как способного организатора и отважного командира. Еще во время первой мировой войны Шевчук был награжден четырьмя георгиевскими крестами и дослужился до прапорщика. В 1918 году во главе красногвардейского отряда он сражался на Уссурийском фронте, а когда Советская власть на Дальнем Востоке временно пала, отправился в свою родную деревню Архангеловку и вскоре вместе с П. П. Постышевым организовал 1-й Тунгусский партизанский отряд.

Смелость и отвага, решительность и находчивость, отличавшие действия отряда, приносили партизанам победы над численно превосходящими врагами.

Вот что рассказывал сам Шевчук о первом боевом успехе своего отряда, когда он только еще создавался и партизаны не имели ни оружия, ни боеприпасов:

«На китайской границе расположена деревня Верхне-Спасское, в которой находилась белогвардейская таможенная застава из тридцати шести человек. В таможене имелся запас оружия. Я решил разоружить таможеню. Двинулся со своим отрядом скрытно по таежным равнинам, болотам и кочкам. У Верхне-Спасского остановил отряд. У партизан Локтина Василия и Пастернака Василия — по винтовке, у меня — револьвер. Остальные без оружия остались наблюдать и следить за событиями. Сам я отправился к начальнику таможенного управления. Захожу в его кабинет. Вынимаю револьвер, кладу на стол. Требую через пять минут сложить все оружие, снять с постов всех таможенников для сдачи оружия, казенного обмундирования,

снаряжения, конфискованных товаров, лошадей, денег и всех ценностей.

Начальник таможенного управления не торопится выполнять мои требования. Думает, как бы «сцапать» меня.

Я взял револьвер, требуя торопиться.

Через минуту — две в кабинет к нам входит запыхавшийся партизан Локтин с винтовкой и нарочито громко докладывает:

— Товарищ командир! Связь от первой роты! Деревня с юга и запада оцеплена!

Вслед за Локтиным вбегает Пастернак и тоже докладывает:

— Товарищ командир! Связь от первой роты! Деревня с севера и востока оцеплена!

Видю, инструктаж пошел в толк. Начальник таможи достал ключи от кассы, от кладовой, позвал сторожа, приказал ему открыть все кладовые и сообщить присутствующим таможенникам, чтобы немедленно явились сдать оружие.

После этого я посылаю Локтина в отряд с наказом:

— Иди и доложи комроты, чтобы выслал мне сюда двенадцать человек без оружия, иначе могут напугать мужиков.

Приказ выполнен. Явились мои герои, таможня была разоружена.

Налет на таможию дал для отряда: пятнадцать тысяч рублей, тридцать шесть винтовок, двадцать тысяч патронов, двадцать револьверов, тридцать шесть шашек, шесть коней, пять возов кожи и мануфактуры.

Так из кучки безоружных людей образовался маленький отряд вооруженных красных партизан Приамурья. Отряд маленький, но из крепких, сильных

духом людей, хорошо вооруженный и материально обеспеченный»¹.

Партизаны Шевчука наносили большой урон японцам и белогвардейцам. Хорошо зная местность, они совершали внезапные и отчаянно смелые налеты на вражеские гарнизоны и склады. Атаманы сулили тридцать пять тысяч рублей золотом за голову Шевчука, но белогвардейцам не удалось его изловить. Ему помогал народ.

Немало подвигов совершил отряд Шевчука и в боях против генерала Молчанова. Однажды генерал послал большое подразделение, для того чтобы ликвидировать отряд Шевчука, но партизаны обнаружили движение белых и приготовились к встрече, устроив засаду в лесу. Белогвардейцы шли с развернутым знаменем, не ожидая нападения. Вдруг раздалась команда: «Огонь!». Застреляли партизанские пулеметы, раздалась залпы из винтовок. Колонна белогвардейцев во главе с рыжебородым полковником бросилась враспыльную, кто куда. Из леса выскочил помощник командира Федор Шептук с лихим эскадроном и стал рубить врагов направо и налево.

Узнав об этом, генерал Молчанов пришел в бешенство. Отчаявшись разгромить Шевчука, он пытался подкупить его, обещая дать высокий чин. В расположение партизан однажды прибыл белогвардейский парламентар и передал письмо: «Начальнику Тунгусской группы гр. Шевчук Ивану Павловичу».

В письме генерал Молчанов просил Шевчука «прекратить между нашими частями военные действия»,

¹ И. П. Шевчук. Восьмой Тунгусский. М., Воениздат, 1958, стр. 66—67.

обещал ему предоставить возможность «командовать почетным корпусом нашей доблестной русской армии».

Все бушевало в Шевчуке от такой наглости. Несколько раз принимался он писать ответ и наконец составил его и отдал парламентеру. Шевчук писал:

«Его превосходительству генералу Молчанову.

Не откажите принять ответ на ваше пожелание.

1. У меня имеется высшее командование и правительство, которые меня не уполномочивали вести с кем-либо переговоры.

2. Если придется вас расстрелять, о чем я только мечтаю, это я с большим удовольствием сделаю без разрешения свыше¹.

А через несколько дней отряд Шевчука произвел неожиданный налет на части противника, стоявшие в деревне Даниловке.

Ранним утром, когда было еще темно и вся деревня спала, партизаны бросились в атаку. Белые в панике бежали из Даниловки без оружия и снаряжения. Отряд Шевчука захватил обоз и штаб с секретными документами, в том числе приказ генерала Молчанова № 572 от 5 февраля 1922 года.

Из приказа явствовало, что противник ожидал наступления Народно-революционной армии. Было видно, что сильно укрепленное направление вдоль железной дороги Молчанов считал для себя безопасным. Он был уверен в том, что красным не взять Волочаевку, так как, по его мнению, для этого требовалось не менее десяти тысяч штыков, которых у них не было. Генерал рассчитывал обескровить Народно-революционную

¹ И. П. Шевчук, Восьмой Тунгусский, стр. 140.

армию на волочаевских рубежах, нанести ей сокрушительный удар, а затем перейти в широкое наступление.

«Вопрос самого нашего бытия,— писал Молчанов,— требует полного напряжения всех сил для достижения победы. С победой мы живем,— неудача может лишить нас самого бытия, как антибольшевистской организации»¹.

Приказ Молчанова с нарочным был немедленно послан Блюхеру. А в это время под Волочаевкой развернулось затяжное сражение. Бойцы 5-го пехотного и 4-го кавалерийского полков, обойдя Волочаевку с севера, достигли проволочных заграждений, но оказались без поддержки артиллерии: она отстала почти на пять километров, так как орудия вязли в снегу, кони выбивались из сил, проваливались по грудь, и кавалеристы спешились.

Ни ножиц, ни топоров у бойцов не было: их не успели подвезти со складов из Благовещенска. Под ураганным огнем белогвардейской артиллерии и пулеметов атака захлебнулась. Наши бронепоезда в это время не могли подойти к Волочаевке, так как не были еще восстановлены мосты. Белогвардейские бронепоезда беспрепятственно двигались по железной дороге, обстреливая с флангов атакующие части Народно-революционной армии.

У народноармейцев было всего два танка, но один из них испортился, не дойдя до передовой. Второй танк был подбит вражеским бронепоездом и застрял у второго ряда колючей проволоки. Водитель, увидев бро-

¹ Я. Покус, Борьба за Приморье, ч. I. М.—Л., 1926, стр. 53—54.

сившихся ему наперерез белогвардейцев, подорвал себя и танк гранатой. Лишь две роты 6-го полка пробились через железную изгородь, но пули и картечь истребили их почти полностью. Вой продолжался до глубокой ночи, однако сломить врага не удалось.

«Много я видел боев, — рассказывал впоследствии командир 6-го полка А. Н. Захаров. — Было много тяжелых моментов и труднейших положений, многое забылось, но на всю жизнь у меня остались в памяти каждый час, каждый момент из 48 жутких часов под Волочаевкой...

Вот из сугроба поднялся Гюльцгоф, командир 2-го батальона моего полка. Обмороженные лицо его и уши обмотаны полотенцем, большая голова закутана тряпьем, а сверху каким-то чудом держится маленькая фуражка.

Комбат осматривается и рычит простуженным голосом:

— Батальон, пли...

Ружейные выстрелы глухо трещат в морозном воздухе. Выстрелив, люди ныряют в сугробы, зарываются глубоко в снег и ждут.

Тишина... Потом из-за укреплений противника рассыпается пулеметный град. И снова все замирает.

Затишье сменяется горячими схватками. Люди неожиданно поднимаются из снежных окопов и лавой устремляются на ошестинившуюся проволоку, рвут ее штыками, прикладами, рубят шашками. Противник открывает такую пальбу, что дрожит земля. Но бойцы лезут вперед, повисают на проволоке, наваливаются один на другого, придавливают проволоку к земле своими телами. Отдельных криков и стонов не слышно, все сливается в какую-то дикую музыку:

— У-у-а-а-а-ла-ла-ла...

Первый ряд проволоки уничтожен, завален трупами. Остались торчать только голые колья, как черные зубы чудовища. Люди лезут на второй ряд. Но первая наша атака отбита. Бойцы бегут назад, за снеговые окопы. На проволоке остаются висеть тела убитых и раненых¹.

Продолжать атаку дальше не было сил. Отойти до наступления темноты тоже было нельзя. Народноармейцы залегли перед проволокой, зарывшись в снег.

В бою 10 февраля Народно-революционная армия потеряла более четырехсот человек. Бой не дал ощутимых результатов. Но все-таки благодаря атаке удалось окончательно выяснить силы и группировку войск противника. Теперь уже было установлено точно, что на северной участке — у сопки Июнь-Карань — действовали главные силы белогвардейцев и здесь же были самые мощные позиции. Слабее был укреплен центральный, железнодорожный участок, который в основном находился под защитой огня артиллерии бронепоездов и сети пулеметных гнезд. Эти данные подтверждал и захваченный Шевчуком приказ генерала Молчанова.

Получив эти сведения, командование решило изменить план штурма: направить обходную колонну не с севера Болочаевки, а с юга, правее железной дороги, чтобы прорвать цепь вражеской обороны в ее самом слабом звене — на участке 6-го полка.

Ночью, воспользовавшись темнотой, командование отвело передовые части на несколько сот метров от линии проволочного ограждения, восстановило прерванную связь. Бойцы группами грелись у костров, но со-

¹ «Таяжские походы». Сб. воспоминаний. М., 1935, стр. 292—293.

рокаградусный мороз даже и здесь пробирал до костей. Тем, у кого не было теплой обуви, выдавали мешки с сеном и соломой — ими обертывали ноги. Бойцы не получали горячей пищи. Ели смерзшийся, как камень, хлеб и соленую кету.

Еще хуже было раненым. Их свозили на санях в небольшую комнату в полуказарме № 3. Что творилось тогда в этой комнатухе, вспоминал Я. З. Покус, не поддастся никакому описанию. Лишь на следующее утро после исправления мостов раненых удалось эвакуировать на станцию Ин.

Было тяжело. Но никто не жаловался. Бойцы стойко переносили все трудности. Одна мысль пронизывала сердца и умы: «Приморье должно быть советским!».

В. К. Влюхер ожидал контратаки белых, но ее не последовало.

К вечеру 11 февраля командование Народно-революционной армии привело свои части в порядок, успело подвезти боеприпасы. Героическими усилиями ремонтники восстановили мосты в тылу, и к расположению стрелковых частей подошли бронепоезда № 8 и № 9. Когда бойцы увидели бронепоезда, они несказанно обрадовались: «Ну, теперь белым крышка!». Вскоре цепи народноармейцев, расположенные южнее железной дороги, услышали доносившийся издали шум боя: это вели сражение на амурском направлении части Забайкальской группы.

Под командованием Н. Д. Томина было два стрелковых полка, кавалерийский дивизион и несколько орудий. Кроме того, ему придавался Троицко-Савский кавалерийский полк, с которым группа должна была соединиться в районе Верхне-Спаского. Влюхер не случайно назначил Томна командиром Забайкальской

группы. Он знал его умение своевременно находить выход из самых трудных положений.

Оставив Ольгохту, Забайкальская группа 9 февраля взяла курс на деревню Верхне-Спасское. Растянувшись на две-три версты, колонна шла по безбрежной снежной целине, на которой только кое-где встречались небольшие березовые перелески и кустарник. Впереди двигалась конница, за ней пехота, притаптывая снег, в середине везли артиллерию на специальных санях. Сани были широкие, неуклюжие и часто увязали в снегу, нагружаемая впереди себя огромные сугробы, которые время от времени приходилось разгребать. Лошади часто проваливались в снег по самую грудь. Бойцы шли весь день, не замечая усталости. Но вот наступил вечер, поднялась метель, и в темноте проводник — местный охотник — сбился с пути. Колонна долго плутала в ночи и только к рассвету 10 февраля после тридцатикилометрового марша вышла к деревне Верхне-Спасское.

Расположенная на высоком месте деревня была прикрыта с севера проволочными заграждениями. Враг надеялся, что эти удобные позиции полностью обезопасили его от наступления народноармейцев. Но он допустил оплошность, оставив не занятой одну возвышенность западнее деревни. За ней незаметно и сосредоточились части Томина. Читинская бригада пробовала сходу взять деревню, но это не удалось. Пришлось выбивать белых из окопов. Вой продолжался почти весь день. Группа разведчиков, вышедшая на дорогу в тылу противника, включилась в белогвардейскую телефонную линию и подслушала разговор:

— Высылаю вам на подводах 60 казаков, но имейте в виду, что это последний резерв...

Разведчики поняли, что гарнизон в Верхне-Спасском слаб и долго не продержится. Когда об этом сообщили Томину, он очень обрадовался и сам пошел впереди атакующих цепей. До утра продолжался бой, а утром, когда подошел Троицко-Савский полк, белые, опасаясь окружения, оставили Верхне-Спасское. 11 февраля после упорного боя части Томина заняли и Нижне-Спасское. Белогвардейцы отступили к Волочаевке.

Томину было приказано с рассветом 12 февраля выслать часть сил на Дежневку в тыл молчановцам, оборонявшим Волочаевку. В это же время по направлению к Дежневке южнее железной дороги шла группа 6-го полка во главе с командиром батальона В. А. Гюльцгофом. В пути группа наткнулась на белых, отступавших от Нижне-Спасского к Волочаевке. Развернув два орудия, Гюльцгоф неожиданно ударил по врагу прямой наводкой. Белогвардейцы растерялись и отступили. Вскоре на дороге показался Троицко-Савский полк. Вместе с группой Гюльцгофа они начали преследовать отступавших белогвардейцев и к утру 12 февраля достигли железной дороги и подожгли несколько мостов.

В это время основные силы Восточного фронта готовились перейти в решительное наступление под Волочаевкой. В подкрепление 6-го полка, на участке которого теперь наносился главный удар, был выслан из резерва 3-й Читинский полк. Здесь сосредоточилась почти вся артиллерия Сводной бригады. Вместе с бронепоездами она должна была подавить врага и дать возможность пехоте провести успешный штурм Волочаевки. Общее наступление назначалось на 7 часов утра.

И вот ровно в назначенное время один за другим прогремели три орудийных выстрела с бронепоезда

№ 9. Это был сигнал к решительному штурму. Артиллерия обрушила на врага ураганный огонь. В 8 часов части Народно-революционной армии пошли на штурм, но вражеские бронепоезда заставили их залечь. Остался неисправным еще один участок пути, поэтому наши бронепоезда не смогли подойти на достаточно близкое расстояние. В 9 часов Я. З. Поквс приказал одной из батарей бить только по бронепоездам врага, а ремонтникам — немедленно исправить путь. Бронепоезду № 8 была поставлена задача во что бы то ни стало заставить бронепоезд противника отойти. При поддержке полевой артиллерии бронепоезд № 8 пошел в лобовую атаку, жертвуя собой, для того чтобы отвлечь огонь белогвардейской артиллерии, приказавший пехоту к проволочному заграждению.

Вражеским снарядом была разбита контрольная площадка бронепоезда № 8. Другой снаряд ударил в борт паровоза, третий — в заднюю пулеметную площадку. Не обращая внимания на это, бронепоезд № 8 продолжал идти на сближение с противником, стреляя из орудий. Белогвардейский бронепоезд вынужден был отойти. Ворвавшись в расположение врага, бронепоезд № 8 стал бить из пулеметов по скопам, а пехота ползла через проводоку.

Белогвардейское командование, опасаясь потерять свои бронепоезда, в тылу которых обходная колонна подожгла мосты, дало им приказ немедленно потушить пожар. Увидев, что вражеские бронепоезда отходят, бойцы Народно-революционной армии усилили натиск. Белогвардейцы упорно сопротивлялись.

«Когда мы подошли к проволочному заграждению, — рассказывал А. Н. Захаров, — белые встретили нас ураганом пуль. Но ни один боец не дрогнул. В лю-

дах, несмотря на мороз, голод, жажду, смертельную усталость и изнурение, жило сознание непреклонной большевистской воли, билось большевистское сердце.

Разрывая телами колючую проволоку, они лезли вперед, стиснув зубы, с глазами, горящими последней решимостью. Большинство погибало тут же, запутавшись в железных сетях, под ливнем пуль и осколков.

Но никто не отступал.

С каждой минутой колючие тенега таяли, редели... Вот их осталось всего два ряда. Крепкие кольца не выдержали последнего отчаянного напора — затрещали и рухнули. Образовалась брешь, и в нее, как в прорвавшуюся плотину, хлынула людская волна¹.

Десятки героев, подкошенные ливнем пуль, падали на проволоку, но бежавшие сзади бросали на колючую сеть полшубки и шинели, рвали ее прикладами и бежали вперед, иногда по трупам погибших.

Не выдержав натиска, белогвардейцы под прикрытием своих бронепоездов и артиллерии начали отходить. Батальон 5-го полка овладел сопкой Июнь-Карань, части Особого Амурского полка заняли деревню Волочаевку. В 11 часов 30 минут 12 февраля волочаевская укрепленная позиция была взята.

Победа под Волочаевкой — выдающийся успех Народно-революционной армии. Героизм, проявленный в этом бою ее доблестными войсками, можно сравнить по тому времени только с подвигом красноармейских частей, штурмовавших Перекоп и Чонгар. Укрепления Волочаевки, создававшиеся под руководством одного из опытейших офицеров царской армии, полковника Аргунова, белогвардейцы считали настолько неприступ-

¹ «Таяжные походы». Сб. воспоминаний, стр. 297—298.

ными, что называли их Дальневосточным Верденом. Но благодаря необычайному мужеству и самопожертвованию славных бойцов, защищавших дело революции, эти укрепления пали.

После Волочаевского боя Блюхер издал приказ:

«В беспримерном по доблести бою под Волочаевкой смертью храбрых погибли многие из лучших сынов трудового народа. Имена этих товарищей должны быть записаны на самой светлой странице истории нашей борьбы за революцию и родную землю. Памяти павших должен быть оказан тот почет, который они заслужили своей героической смертью за общее рабоче-крестьянское дело.

Приказываю: немедленно собрать тела всех тех, кто с беззаветной доблестью погиб в жестоком бою под Волочаевкой, и схоронить их в общей братской могиле на вершине сопки Июнь-Карань и над этой могилой воздвигнуть достойный памятник.

Пусть последнее место успокоения красных орлов постоянно напоминает всем гражданам нашей республики о славной странице борьбы Народно-революционной армии, воодушевляет бойцов на новые подвиги к достижению нашей исторической, революционной цели на Дальнем Востоке»¹.

Приказ Блюхера был выполнен. Тела погибших героев были похоронены в братской могиле, над которой ныне возвышается похожий на огромный ледяной сугроб дом-музей. На его крыше бронзовый боец с винтовкой в поднятой руке как бы шагает через проволочные заграждения.

¹ Октябрь на Амуре, стр. 349.

Вручение наград бойцам и командирам Народно-революционной армии, отличившимся в бою под Волочаевкой

За доблесть и героизм, проявленные в волочаевском бою, 6-й полк, который вел наступление на главном направлении и вынес на себе основную тяжесть сражения, был награжден орденом Красного Знамени и стал называться ордена Красного Знамени Волочаевским полком. Орденом Красного Знамени были награждены также бронепоезд № 8, командир Сводной стрелковой бригады Я. З. Покус, комиссар бригады К. Е. Трегубенков, командиры полков и многие бойцы. Только в Сводной бригаде орденом Красного Знамени было награждено 67 человек.

БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Под Волочаевкой был сломан хребет белоповстанческой армии. Она понесла большие потери в живой силе и технике. Но, пожалуй, самое главное состояло в том, что был подорван боевой дух белогвардейцев. От сокрушительного удара народноармейцев лопнули и развеялись несбыточные надежды генерала Молчанова, которые он возлагал на свои лучшие силы, оборонявшие волочаевские укрепления.

14 февраля 5-й полк Народно-революционной армии вошел в оставленный белыми Хабаровск, а остальные части Восточного фронта едва успевали догонять бежавшие на юг полки незадачливого генерала, мечтавшего о походе на Москву. 16 февраля из Читы в штаб Восточного фронта пришла правительственная телеграмма:

«Действующая армия. Блюхеру.

Преклоняясь перед памятью павших, шлем пламенный привет и поздравление с возвращением Хабаровска всем доблестным бойцам и вам, их вождю, оправдавшим доверие республики».

Воодушевленные победой под Волочаевкой, войска, невзирая на усталость после трудных боев, неудержимо рвались вперед. Возле Казакевичево народноармейцы в одном из деревянных амбаров обнаружили обезображенные белыми трупы бойцов Коммунистического отряда, героически защищавших здесь позиции в декабре 1921 года. Увидев следы диких зверств белогвардейских палачей, кто-то из бойцов проговорил:

— Вот что делают, гады. Ну мы им отомстим...

Ярость закипала в сердцах воинов, и они с еще

большим упорством и ожесточением сражались с врагами.

Генерал Молчанов сделал попытку взять реванш за поражение под Волочаевкой: у станции Бикин и поселка Васильевская он остановил свои войска, расположив их в заранее подготовленных окопах за двумя рядами проводочных заграждений. Белогвардейцы обладали превосходной позицией, и первая атака народноармейцев не удалась. Два дня продолжался ожесточенный бой. С помощью искусного маневра один из народноармейских полков стал угрожать противнику выходом в тыл. Враг не выдержал и поспешно бежал к Иману и далее на юг под защиту японских штыков.

Между станциями Иман и Уссури находилась так называемая «нейтральная зона», в которой по соглашению, навязанному интервентами в 1920 году, русские вооруженные силы не имели права находиться. Но японское командование первое нарушило это условие, пропустив через «нейтральную зону» войска генерала Молчанова. Тем не менее во избежание нежелательных осложнений, которые могли бы дать Японии повод к войне, командование Восточным фронтом обратилось за инструкциями в Читу. Оттуда пришел ответ: «Идти вперед... В бой с японцами не вступать! Если японцы предложат обезоружиться, ни в коем случае не обезоруживаться и отойти!». Войска Восточного фронта, миновав «нейтральную зону», вышли к городу Спасску.

2 апреля в город, где находился крупный японский гарнизон, был послан в сопровождении небольшой группы бойцов уполномоченный штаба Восточного фронта. Он должен был разъяснить цели, которые преследовала Народно-революционная армия, вступая в

Приморье. Парламентеров встретили недружелюбно. Поначалу их с завязанными глазами и под охраной солдат полчаса заставили стоять в грязной луже перед штабом командующего японской бригадой генерала Аки. Причем вся эта унижительная сцена происходила на глазах белогвардейцев. Когда же парламентеров ввели в помещение, генерал Аки сказался больным и вместо себя послал для переговоров майора Ягихара. Последний вышел в домашнем халате и комнатных туфлях, видимо, стараясь подчеркнуть этим неофициальный характер встречи и свое пренебрежение к представителям Народно-революционной армии, хотя на лице его играла любезная улыбка и гостей он приветствовал цветистыми выражениями.

Майору был вручен документ, в котором говорилось, что продвижение войск Народно-революционной армии в Южное Приморье имеет целью исключительно ликвидацию вооруженного мятежа белогвардейцев против законного правительства Дальневосточной республики и ни в коем случае не направлено «против императорских японских войск, временно находящихся на территории Дальнего Востока».

Прочтя документ, Ягихара заявил, что, если вооруженные красные войдут в «нейтральную зону» и приблизятся к японским гарнизонам, они будут немедленно обезоружены.

— Означает ли это, господин майор, что японское командование откроет огонь по войскам Народно-революционной армии?

— Это будет зависеть от того, совершится ли продвижение войск Народно-революционной армии с разрешения японского командования или же независимо от последнего.

А в этот самый момент японцы уже вели артиллерийский огонь по частям Народно-революционной армии, которые двигались вперед с белым флагом и без единого выстрела. Интервенты даже перешли в наступление и попытались окружить части Восточного фронта. Дело принимало нежелательный оборот. По приказу командования войска были отведены на север, за границу «нейтральной зоны».

— А почему бы не ударить и по японцам? — спрашивали бойцы.— Долго ли мы еще будем терпеть на своей земле этих захватчиков?

— Побольше выдержки. Недолго осталось ждать, — отвечали им командиры и комиссары.

Боевые действия на фронте временно прекратились. После разгрома белогвардейцев под Волочасовкой японское правительство снова пошло на переговоры, прервавшие по его вине. Сражения переместились с поля боя в тихие особняки, в сферу дипломатии. Дипломаты вежливо раскланивались друг с другом и в то же время вели между собой упорную борьбу, от исхода которой во многом зависело, греметь снова орудиям или нет...

Тем временем Дальневосточная республика укрепляла свою армию, боеспособность и мощь которой в конечном счете определяли силу или слабость позиции республики на переговорах. Войска переформировывались, упорно учились побеждать врага, укрепляли дисциплину. Партия обратилась к трудящимся с призывом собирать средства в фонд армии, чтобы защитники республики не испытывали недостатка ни в оружии, ни в снаряжении, ни в продовольствии. Бойцы получили новое обмундирование, так как за время долгих боев старое порядком поистрепалось. Разграбленная

врагами республика не могла сразу дать армии все, что требовалось. А требовалось иногда... Впрочем, вот какой случай произошел в Особом Амурском полку.

Однажды к командиру пешей разведки пришла делегация бойцов и заявила, что у их товарища разведчицы Кузьминой нет подходящего платья.

— Знаю, ребята,— сказал командир с улыбкой,— и я люблю разведчицу Кузьмину, и обидно, что такая красивая революционная девушка ходит в замыганном костюме. Пойдем, ребята! Мы ей преподнесем сюрприз.

Разведчики решили сшить Тане Кузьминой женский костюм. Населенный пункт, в котором размещался полк, был небольшой и народ там жил богомольный. А в тот день был какой-то религиозный праздник, все лавки были закрыты и портные не хотели работать. Но бойцы все-таки заставили лавочника продать им кусок материи, а одну женщину удалось уговорить сестра за швейную машинку. К вечеру были готовы блузка и юбка. Преподносят бойцы Тане подарок, а она краснеет и говорит:

— Не надо, похожу в своем военном костюме. Я ведь боец Народно-революционной армии.

Но командир был строг и непреклонен:

— Боец Кузьмина, я приказываю тебе одеть наряд, который тебе положен, а революционный твой костюм мы будем хранить как историческую ценность. И откровенно тебе скажу: ты мне надоела в этом старье так, что не смотрел бы на тебя. Одень ты свой женский наряд, да и мы полюбуемся на тебя, как ты в нем выглядишь.

Таня еще пуще покраснела, но приказ все же выполнила. Радостью засветились глаза ее товарищей —

так шел ей новый наряд. Но тут опять беда: на ногах у Тани были грубые солдатские башмаки и обмотки, а подходящих ботинок не оказалось...

Со временем, конечно, это дело поправили, как поправила республика и все дело со снабжением войск. Рабочие и крестьяне только за две недели собрали в помощь армии девяносто шесть тысяч рублей золотом. В армию приходило новое пополнение, она крепла и становилась еще более мощной.

В укреплении Народно-революционной армии большую роль сыграл ее главнокомандующий В. К. Блюхер. В июле 1922 года, когда он в связи с новым назначением должен был оставить этот пост, правительство Дальневосточной республики вручило ему грамоту, в которой говорилось:

«Работа, проведенная вами по организации и укреплению наших вооруженных сил из строго регулярных начал из разрозненных партизанских отрядов, дала возможность нам к настоящему моменту иметь на территории республики надежный оплот, достаточно сильный для того, чтобы обезопасить ее от покушений врагов.

Ваши труды по военному строительству и ваши боевые заслуги будут ценным вкладом в историю нашей армии.

Вы были не только главкомом — начальником, но и трибуном — товарищем, за которым массы шли не только по приказу, но и по призыву.

Когда трудовому правительству потребовались ваши знания в качестве дипломата, оно делегировало вас в Дайрен для ведения переговоров с представителями Японии.

Когда же для поддержки своих милитаристических посягательств правительство Японии прибегло к воору-

женному давлению на нашу территорию при помощи меркуло-кашпелевцев, вы, как солдат революции, вооруженной рукой в невероятно тяжелых условиях зимних операций отразили натиск врагов, штурмом взяв второй Перекоп — укрепленный плацдарм Волочаевки.

За вашу работу на пользу революции и трудового народа Дальневосточной республики Совет министров постановляет: зачислить вас навсегда почетным бойцом Народно-революционной армии с занесением в списки 1-й роты 6-го Волочаевского ордена Красного Знамени полка¹.

Укреплялась не только Народно-революционная армия — становилось более прочным внутреннее и международное положение Дальневосточной республики и ее верного оплота — Советской России. Под мудрым руководством Коммунистической партии во главе с великим Лениным наша Родина успешно справлялась с трудностями, и капиталистический мир все больше прислушивался к ее голосу.

Ленинская политика мирного сосуществования неуклонно пробивала себе дорогу. Все большее число капиталистических государств завязывало деловые связи со Страной Советов. Советское правительство было приглашено принять участие в работе международной конференции в Женеве, где делегация РСФСР представляла интересы всех союзных с Советской Россией республик, в том числе и ДВР. Огромной победой советской дипломатии явилось заключение Рапалльского договора с

¹ «Из истории гражданской войны в СССР», т. III. М., 1961, стр. 764—765.

Германией — первого равноправного договора с империалистической державой. Во всем мире ширилось движение за установление нормальных отношений с Советской Россией. Выгода таких отношений становилась все более ясной и для Японии, где против продолжения интервенции стали все активнее выступать не только трудящиеся во главе с коммунистической партией, но даже и буржуазные круги. Японский народ требовал вернуть на родину оккупационные войска с русского Дальнего Востока, где в течение пяти лет императорское правительство безуспешно пыталось сломить волю русского народа. Летом 1922 года японское правительство вынуждено было заявить, что оно к ноябрю очистит Приморье. В конце августа интервенты начали постепенно отводить свои части к Владивостоку и готовиться к эвакуации.

Однако милитаристские круги Японии не теряли надежды закрепить за собой Дальний Восток. Уходя из Приморья, они хотели, чтобы там остался кто-либо из их ставленников, который проводил бы их политику. Вместо проворонавшегося и, как казалось интервентам, недостаточно твердого «правительства» Спиридона Меркулова у власти в Приморье был поставлен бывший колчаковский генерал, ярый приверженец самодержавия Дитерихс. Провозглашенный временным правителем Приамурского края и главнокомандующим белогвардейских войск, Дитерихс установил в Приморье военную диктатуру. Себя он объявил воеводой, а свои войска — «земской ратью» и стал готовиться к походу на Москву под лозунгом «За веру, царя и святую Русь». К изгнанным русским народом бывшей императрице Марии Федоровне и великому князю Николаю Николаевичу была послана делегация с нижайшей

просьбой назначить кого-либо из членов царского дома Романовых кандидатом на русский трон. 18 августа Дитерихс опубликовал манифест: «Я глубоко верю, что только чудо господне может спасти Русскую землю и вернуть ее во власть народа русского и его хозяина — помазанника божья». Этого «чуда» генерал ждал из-за моря: в Токио он послал своих представителей бить челом японскому императору, чтобы тот распорядился задержать свои войска на Дальнем Востоке.

В Никольск-Уссурийском — столице Дитерихса — неумолчно звонили колокола. Выжившие из ума купчихи под завывания попов били лбом об пол — молились за будущую победу всеовды. А тем временем «спричники» Дитерихса, выполняя приказ о мобилизации, ловили на улицах их сыновей — гимназистов и студентов. Однако упования Дитерихса на господа бога, его призывы к населению, пышные молебствия не укрепили его власти.

Трудовое население Приморья не поддерживало новоиспеченного диктатора, так же как оно не поддерживало ранее всех бывших наемников Японии. В ответ на требования белогвардейских «правителей» о поставках продовольствия и мобилизации молодежи в войска рабочиe и крестьяне отвечали:

«Нам с генералами не по пути. Мы признаем только правительство Дальневосточной республики и лишь его считаем законным»;

«Мы знаем, что все беды идут только от того, что здесь находятся японские войска, и мы требуем их немедленного ухода»;

«Категорически протестуем против затей генерала Дитерихса и против объявленной им мобилизации, и солдат мы ни одного ему не дадим»;

«Мы приветствуем партизанское движение и смотрим на партизан, как на избавителей от гнета белобандитов и интервентов».

И это были не просто слова резолюций, принимаемых на сходах и собраниях. Шахтеры Сучанских угольных копей, владивостокские грузчики чуть не каждый месяц устраивали забастовки. Крестьяне прятали хлеб. Объявленная Дитерихсом мобилизация почти не дала ему пополнения. Мобилизованные скрывались от властей, уходили в ряды партизан.

Организаторами сопротивления трудящихся белогвардейскому режиму, державшемуся на японских подпорках, были коммунисты, возглавляемые Приморским областным комитетом РКП(б). После меркуловского переворота часть большевиков ушла в сопки и тайгу для руководства партизанским движением, оставшиеся развернули работу в подполье. Через подпольщиков Владивостока держалась связь с Дальневосточным бюро ЦК РКП(б) в Чите, откуда поступали руководящие директивы. Немало мужества, хитрости и умения требовалось для того, чтобы поддерживать эту связь. Часто связные пробирались кружным путем через Харбин, спрятавшись в товарные ящики или заручившись подложными документами, изготовленными искусной рукой подпольщиков.

Белогвардейская контрразведка устраивала буквально настоящую охоту на коммунистов, засылала в подпольные организации провокаторов. Немало верных сынов партии погибло от пыток и истязаний палачей. Но большевики не прекращали работы. Они совершенствовали конспирацию и, обходя всевозможные рогатки, находили верные пути к сознанию и сердцу трудящихся людей, спланивали и поднимали их на борьбу

против отечественных и заморских душителей свободы. На призыв партии из городов и рабочих поселков, из деревень и сел снова, как в 1918—1919 годах, шли в партизаны шахтеры и хлеборобы, охотники и лесорубы, русские и украинцы, корейцы и китайцы, нанайцы и удегейцы.

Зимой и весной 1922 года Дальневосточным бюро ЦК РКП(б) и командованием Народно-революционной армии в таежные сопки были посланы две группы опытных партийных и военных работников для укрепления и реорганизации партизанских отрядов Южного Приморья. Вместе с представителями подпольного Приморского ревкома они создали Совет партизанских отрядов, тесно связанный со штабом Народно-революционной армии. До весны 1922 года командующим партизанскими отрядами был А. К. Флегонтов, затем — М. П. Вольский.

Партизанские отряды были грозной силой в тылу врага. Они совершали налеты на белогвардейские и японские гарнизоны, разрушали железные дороги, портили телефонную и телеграфную связь. В штабы белых и японцев каждый день поступали тревожные сводки: «Под Спасском партизанами взорван товарный поезд»; «Во Владивостоке обстреляна казарма»; «На перегоне Дубининский — Ипполитовка испорчен путь, сошел с рельсов бронепоезд, движение приостановлено»; «Разгромлен казачий карательный отряд».

Десятки карательных экспедиций снаряжались против партизан. Временами каратели наносили отдельным таежным отрядам тяжелые поражения, загоняли их в непроходимые дебри, обрекая на муки голода и холода, но полностью разгромить партизанское движение не удавалось никогда. Его невозможно было

уничтожить, как нельзя высушить могучую реку, которую питают десятки мелких рек и миллионы родников, бьющих из земли. Трудовой народ был неиссякаемым источником силы партизанского движения. Он давал новых бойцов в отряды, кормил и одевал их, выхаживал раненых, прятал партизанских разведчиков, был ухом и глазом таежных отрядов.

«С крестьянами,— рассказывал командир одного из партизанских отрядов В. Маркелов,— мы жили очень дружно, они нас считали своими. Мы им также помогали, чем могли, исправляли дороги, починяли мосты, давали им своих лошадей для уборки полей, ходили помогать работать в страдную пору, защищали их от нападения хунхузов, организовывали у них кружки молодежи, ставили спектакли, а иногда решали общественные споры. Крестьяне иногда выполняли роль разведчиков. Будучи в городах на базарах, на территориях белых, и приезжая оттуда, они рассказывали всем о слыханном и виденном ими. Как-то раз ночью с. Раковку заняли японцы, в это время мы стояли на хуторе у мельника в 3-х верстах от Раковки. Вечером... слышим тревожный свисток часового, вскакиваем, бежим узнать, в чем дело, часовой объясняет, что слышал шорох в кустах. Шорох, действительно, стал яснее. В отряде все наготове. Мы на посту напряженно слушаем шорох, который все приближается к нам. Окликаем: «Кто?». Слышим тихий предупредительный ответ: «Сыночки мои, это я, бабуся»,— и перед нами из кустов вырастает сторбленная раковская старушка, которую мы все очень любили и звали бабусей. Она пришла к нам в самую полночь, пробравшись через японские посты, известить нас о грядущей опасности. «Сынки,— говорит она,— вы спите тучочки, а проклятые

японцы осыпали всю деревню, требуют от старосты, чтобы он их провел сюда. Они от кого-то узнали, проклятые, косоглазые, что вы находитесь тут, вот я и пришла сказать вам. Я их на старости лет перехитрила». Таких случаев за время партизанства было немало»¹.

Однажды зимой после бурана в одну китайскую фанзу вошли японские солдаты во главе с офицером.

— Где дзиви партисана, снай? (Знаешь, где находятся партизаны?) — спросил по-русски, коверкая слова, офицер у семидесятилетнего Ма Фу.

— Пу тун де (не понимаю), — ответил спокойно Ма Фу.

— Тун де, — сказал офицер по-китайски.

— Пу тун де, — твердо стоял на своем старик.

Офицер был взбешен, он выбил трубку изо рта старика, потом ударил его по лицу. По приказу офицера один из солдат ткнул китайца штыком и разорвал на нем куртку. Ма Фу молчал. Офицер выхватил браунинг и, угрожая им, снова требовал сказать, где находятся партизаны. Находившийся в фанзе семнадцатилетний Ли испугался за жизнь старика и закричал:

— Моя знай!

Офицер отпустил Ма Фу, осклабился и довольно потер руки.

— Оцнь хоросо.

Ма Фу с презрением посмотрел на Ли и отвернулся от него. Ли повел японский отряд в тайгу. Шли они всю ночь по глубокому снегу, через бурелом. Мороз стоял такой, что было слышно, как трещат деревья. Перед

¹ «Революция на Дальнем Востоке», вып. 1. М.—П., ГИЗ, 1923, стр. 416.

рассветом, когда Ли увидел, что японцы выбились из сил, а некоторые из них замерзли, он остановился на небольшой поляне, огляделся и закричал:

— Партисана! — и бросился бежать.

Ли не удалось спастись. Офицер сшиб юношу с ног. Он понял, что молодой китаец завел в глушь японский отряд, чтобы погубить его в таежных дебрях.

— Барсука (большевик)! — закричал вне себя офицер и стал бить Ли ногами.

— Партисана нашел нету! — кричал Ли во весь голос. — Партисана хо (хорошо)! Японска пропади...

Прогремел выстрел... Так героически погиб китайский юноша, не пожалевший жизни во имя солидарности со своими русскими братьями.

К осени 1922 года партизанское движение объединяло в своих рядах около пяти тысяч бойцов. Оно обрело такую силу, что белогвардейцы, по существу, распоряжались только в крупных городах. Во многих районах Приморья действовали органы народной власти.

В сентябре в селе Кондратенково собрался подготовительный съезд уполномоченных бедняцко-средняцкого актива по установлению Советской власти в Приморье. Во время заседания съезда партизанский отряд, охранявший деревню, ушел на операцию, а в селе осталось всего восемнадцать бойцов. Узнав об этом от предателя, белогвардейцы послали два эскадрона для разгрома съезда. Вскоре наблюдатели увидели на дороге клубы пыли — это скакали каратели. Дозорные предупредили делегатов, и они укрылись в близлежащих сопках. Немногочисленная охрана отошла за околицу, готовясь к отпору белогвардейцам. Но тут к командиру подошел черноволосый юноша:

— Товарищ командир, в помещении штаба осталась пишущая машинка и некоторые документы. Нельзя, чтобы они попали в руки белым. Разрешите, я сбегая и возьму их.

— Хорошо, товарищ Боневур, только поторопись, беляки близко.

Виталий Боневур был одним из руководителей приморских комсомольцев и вел большую работу, сплачивая сельскую молодежь. Несмотря на свои семнадцать лет, он имел уже большой опыт организатора и участвовал в работе IV Всероссийского съезда комсомола. Товарищи любили его за смелость и веселый, общительный характер.

Виталий успел вынести машинку, спрятать ее в кусты и уничтожить списки комсомольцев. Но когда он стал пробираться к своему отряду, путь ему отрезали вражеские пулеметчики. Комсомолец упал, его окружили белогвардейские кавалеристы, связали и бросили в подвал.

Вечером белогвардейский офицер начал допрос. Он пытался узнать, где находятся уполномоченные и партизаны, сколько бойцов в отряде, чем они вооружены, с кем держат связь в городе. Боневур молчал. Его били шомполами, выворачивали руки, но он не проронил ни слова. На второй день повторилось то же самое. Уходя из деревни, белые повели связанного Боневура за собой и снова пытали по дороге.

Через некоторое время, когда партизаны возвратились в деревню, они нашли возле болота изувеченный труп бесстрашного комсомольца. Лицо его было обезображено, подбородок свернут на сторону, тело в пяти местах прострелено, ребра поломаны, а через разрезы в виде звезды вытащено сердце...

Белогвардейцы думали своими зверствами устроить тех, кто боролся за свободу. Но никаким карателям это было не под силу. Как бы в ответ на угрозы белогвардейцев и интервентов из тайги доносилась мужественная песня:

Пусть знают белые бандиты,
Что мы из солок не уйдем,
Мечты свободы не забыты,
Октябрь горит в сердцах огнем!

Партизанское движение в тылу врага разгоралось с каждым днем. Молва о стойкости и мужестве Виталия Боневура облетела партизанские отряды, прокатилась по окрестным селам. Она вдохновляла трудовую молодежь, бойцов партизанских отрядов на еще более упорную борьбу, не дававшую врагу покоя ни днем ни ночью. Японские солдаты писали на родину: «Страшнее всего здесь партизаны. Не знаем, когда и откуда они появляются. Приходится быть всегда начеку. Их всюду поддерживает население».

Потерпев поражение в пятилетних усилиях закрепить на Дальнем Востоке, японские империалисты уводили свои войска домой. Туда, где располагались японские гарнизоны, вводились белогвардейские части. В начале сентября интервенты послали восьмидесячную роту Дитерихса в новый «поход на Москву». Они решили еще раз попытать счастья.

ШТУРМОВЫЕ НОЧИ СПАССКА

Наступление белогвардейцев продолжалось недолго. В середине сентября Народно-революционная армия остановила их, а в начале октября оттеснила на исходные позиции в районе города Спасска. Здесь завязались ожесточенные бои.

Спасск расположен в котловине между озером Ханка и грядой высоких сопок. Еще в 1921 году возле Спасска японцами были созданы сильные укрепления. Семь фортов долговременного типа окружали город со всех сторон, запирая проход из Приамурья в Южное Приморье. Три форта (№ 1, 4 и 6) располагались западнее города, упираясь в труднопроходимую болотистую равнину, четыре форта (№ 2, 3, 5 и 7) — восточнее города, рядом с отрогами хребта Сихотэ-Алинь. Между фортами проходили глубокие, в рост человека, окопы с крепкими блиндажами, прикрытые густой сетью колючей проволоки в три — пять рядов. Подходы к укреплениям заранее пристреляны, и в случае необходимости артиллерийский и пулеметный огонь со всех фортов мог быть сосредоточен на любом участке. Оставляя Спасск, японцы передали все эти укрепления Дитерихсу в целости и сохранности. Дитерихс был уверен, что войска Народно-революционной армии не смогут взять эти мощные рубежи. Он даже надеялся, что под Спасском Народно-революционная армия обескровит себя и тогда «земская рать» сможет нанести ей поражение.

Против белогвардейцев под Спасском действовали войска ударной группы — 2-я Приамурская стрелковая дивизия, Отдельная Дальневосточная кавалерийская бригада, дивизион бронепоездов и ряд специальных

подразделений. Кроме того, в помощь им по железной дороге и на кораблях Амурской военной флотилии от Хабаровска перебрасывалась 1-я Забайкальская стрелковая дивизия, развернутая из 104-й советской бригады.

Главкомандующим армией Дальневосточной республики с сентября 1922 года был Иероним Петрович Уборевич — видный и талантливый советский военачальник. Этот молодой двадцатисемилетний полководец располагал солидным боевым опытом. Уборевич участвовал в первой мировой войне, а затем сражался почти на всех фронтах гражданской войны. В 1918 году он командовал полком, а через год уже руководил действиями армии. Сын бедного литовского крестьянина, коммунист Уборевич был отважным воином и умелым воспитателем бойцов и командиров, отстаивавших завоевания Октябрьской революции. Его грудь украшали два ордена Красного Знамени. Назначенный главнокомандующим войсками ДВР, Уборевич настойчиво продолжал начатое Блюхером дело укрепления Народно-революционной армии, прививая ей лучшие традиции и помогая освоить богатый опыт Красной Армии.

Войска Народно-революционной армии были вполне подготовлены к тому, чтобы нанести решающий удар по силам белогвардейцев в Приморье. В приветствии, направленном от имени армии и флота IV Дальневосточной конференции РКП(б), главком Уборевич и военком Смирнов писали:

«В дни, когда собирается IV краевая конференция, НРА и флот, руководимые Коммунистической партией, начинают решительный натиск против остатков контрреволюции в лице черной рати Дитерихса. НРА и флот,

не страшась численно превосходящего врага, клянутся своей победой освободить все Приморье»¹.

Для штурма спасских укреплений войска ударной группы были разделены на две колонны. Правая колонна, которую возглавлял командир 2-й Приамурской дивизии Я. З. Покус, должна была действовать вдоль железной дороги с севера и северо-запада. На левую колонну возлагалась задача нанести врагу удар с северо-востока и востока. Этой колонной командовал прославленный герой гражданской войны, бывший молотобоец, коммунист Степан Сергеевич Вострецов, награжденный за боевые подвиги в боях против Колчака и белополяков двумя орденами Красного Знамени. Отдельная Дальневосточная кавалерийская бригада была направлена для обхода спасских укреплений с юго-востока. Действия регулярных войск должны были поддерживать партизанские отряды, отвлекая на себя часть сил белогвардейцев.

Ранним утром 8 октября, когда солнце еще не успело рассеять густую темноту осенней ночи, войска Народно-революционной армии начали штурм спасских укреплений. 6-й Хабаровский полк, входивший в правую колонну, дружной атакой сбил передовые подразделения противника и занял северо-восточную окраину города. Несколько раз роты 6-го полка ходили в атаку на форт № 1, но до позднего вечера так и не смогли им овладеть. На участке левой колонны бойцы 5-го Амурского полка, пытавшиеся пробиться через проволочные заграждения между фортами № 2 и № 3, также не достигли успеха. Находясь в надежных укрытиях, враг

¹ «Из истории гражданской войны в СССР», т. III, стр. 768.

встречал всюду штурмующие цепи плотным ружейно-пулеметным огнем, осыпал их смертельным градом картечи.

Проанализировав результаты боя 8 октября, командование пришло к выводу, что для успеха штурма необходимо на каком-либо одном участке сосредоточить возможно больше артиллерии и под ее прикрытием совершить прорыв. Двадцать орудий обрушили сосредоточенный огонь на форт № 3. После пятичасовой артиллерийской подготовки с криком «ура!» на штурм этого форта бросились роты 5-го полка. И снова их встретил шквал огня. Десятки бойцов, многие командиры рот и батальонов погибли, не дойдя до проволоки. Атака уже начала выдыхаться, когда впереди цепей появились С. С. Вострецов и комиссар В. П. Малышев. Увидев их, бойцы воодушевились, преодолели колючую проволоку и в рукопашной схватке сломили сопротивление врага. В 11 часов вечера форт № 3 пал. Образовалась первая брешь в укрепленных позициях противника. Ночью белогвардейцы трижды пытались вернуть утерянный рубеж, но все их атаки разбились о стойкое сопротивление 5-го Амурского полка. Весть об этом успехе вызвала в частях огромный подъем.

Станув к форту № 3 все орудия, Я. З. Покус приказал с утра 9 октября после артиллерийской подготовки начать решительный штурм остальных фортов. На рассвете, едва стих гром канонады, народноармейцы пошли на приступ. Но первая атака была отбита. Вражеские пулеметы не позволяли подойти к проволоке, выкашивая ряды наступающих. Пришлось еще раз открывать артиллерийский огонь. В течение часа все орудия ударной группы вели обстрел вражеских фортов. Взрывами снарядов во многих местах была порвана

и смята колючая изгородь. Замолкли некоторые пулеметные точки врага. В военном городке начался пожар.

В 10 часов утра народноармейцы опять пошли на штурм Спасска. На участке левой колонны Троицко-Савский кавалерийский полк и курсанты дивизионной школы командиров прорвались юго-восточнее Спасска и развернули наступление на железную дорогу. 6-й Хабаровский полк после ожесточенного боя овладел фортом № 1 и оттеснил белых к южной окраине города. Разведчики 6-го полка и рота 1-го батальона 5-го полка совместным ударом выбили белых из форта № 2. Основные силы 5-го полка, прорвавшись сквозь пламя и дым, очистили от белогвардейцев военный городок. Вскоре на участке левой колонны была одержана еще одна крупная победа — вызванный из резерва 4-й ордена Красного Знамени Волочаевский полк овладел фортом № 5. Потеряв к полудню 9 октября пять фортов, генерал Молчанов, части которого обороняли Спасск, опасаясь окружения, поспешил вывести свои потрепанные войска из города. Форты № 6 и № 7 белые оставили без боя. С помощью бронепоездов им удалось отбить атаки Дальневосточной кавалерийской бригады и прорваться на юг. В боях под Спасском «земская рать» потеряла более тысячи солдат и офицеров, две батареи, бронепоезд, знамена трех полков и штаб поволжской бригады.

Замечательная победа под Спасском была по достоинству оценена республикой. Многие бойцы и командиры Народно-революционной армии за подвиги в этом бою были награждены орденом Красного Знамени, в том числе третьим орденом награжден С. С. Вострицов.

11 октября собравшаяся в Чите IV Дальневосточная краевая партийная конференция прислала приветствие бойцам и командирам, участвовавшим в штурме Спасска:

«Товарищи революционные бойцы, командиры и комиссары! IV Дальневосточная краевая конференция РКП с глубоким восхищением узнала о вашей героической победе под Спасском и шлет вам свой горячий братский привет в моменты этих крупных успехов в борьбе. Конференция уверена, что эта победа откроет нам путь во Владивосток и даст возможность скоро водрузить там красное знамя рабоче-крестьянской власти.

Да здравствуют красные революционные полки!
Слава павшим в борьбе!

Да здравствует окончательная победа над всеми нашими врагами!»¹

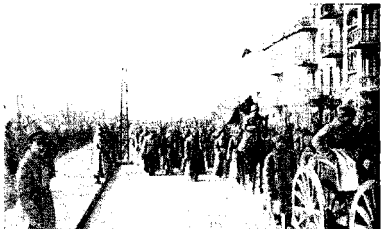
Овладев спасскими воротами, Народно-революционная армия вышла на широкий простор, преследуя «земскую рать», отступавшую вдоль железной дороги к Никольск-Уссурийскому. Возле Вознесенского, Монастырища Дитерихс предпринял было попытку нанести контрудар, но главноком Уборевич разгадал его план. Он расположил свои войска таким образом, что Дитерихсу не удалось подтянуть к району Вознесенское, Монастырище группу генерала Смолина для удара по народно-революционным частям с запада. Своевременно выдвинутые вперед на правое крыло Отдельная Дальневосточная кав. бригада и 1-я Забайкальская диви-

¹ «Из истории гражданской войны в СССР», т. III, стр. 771—772.

зия прикрыли это направление. Попытки врага ударить в тыл 1-й Забайкальской дивизии, наступавшей на Вознесенское, не удались благодаря беспримерной стойкости курсантов командирской школы 2-й Приамурской дивизии. Под руководством командира Клопова и военкома Кузнецова 240 курсантов в течение пяти часов выдерживали бешеные атаки 2400 вражеских солдат. Несмотря на десятикратное превосходство в силах, противник не смог одержать победу. Курсанты подпустили белогвардейцев на близкое расстояние и поражали их метким огнем. Белогвардейцы потеряли только убитыми более 620 человек. У курсантов тоже были большие потери — в живых осталось всего 67 бойцов. Но они держались до конца, и враг не смог пройти. Все 67 героев были награждены орденом Красного Знамени.

В сражении под Вознесенским, Монастырищем были разбиты основные силы «земской рати». Потерпев поражение здесь, белогвардейцы больше уже не оказывали сопротивления. Остатки «земской рати» поспешно бежали: одна группа — на запад, к границе с Маньчжурией, другая — на юг, к Владивостоку и корейской границе. В пути им наносили удары партизанские отряды под командованием М. П. Вольского. 15 октября был освобожден Никольск-Уссурийский, 16 октября — Гродеково. Народно-революционная армия подходила к Владивостоку.

17 октября Дитерихс издал прощальный указ, в котором писал: «Я горячо верю, что Россия вновь возродится в Россию Христа, Россию помазанника божия, но что теперь мы были недостойны еще этой великой милости всевышнего творца». После этого, покинув свою «рать», Дитерихс бежал на японском корабле... ждать

Вступление частей Народно-революционной армии во Владивосток.
25 октября 1922 г.

милости, а вернее, милостыни от своих хозяев. Таков был бесславный конец всех белогвардейских генералов, восставших против своего народа.

Во Владивостоке сформировалось еще одно буржуазное правительство, но даже объявление о своем существовании оно вынуждено было писать от руки, так как никто не захотел работать на него. Забрав из казны последние 43 рубля с копейками, и это «плакатное» правительство бежало.

19 октября части Народно-революционной армии находились уже в девяти километрах от Владивостока,

но в город они еще не могли войти. Представители японского командования потребовали приостановить движение, якобы для того, чтобы избежать столкновения с японскими войсками, которые еще не успели эвакуироваться. На самом деле цель их заключалась в том, чтобы подольше удержать город в своих руках: им хотелось побольше нагрabить или уничтожить материальных ценностей и дать белогвардейцам возможность спокойно погрузиться на корабли. Не желая давать интервентам повода для провокаций, командование Народно-революционной армии по согласованию с Читой и Москвой распорядилось временно воздержаться от вступления во Владивосток. Главком Уборевич в обращении к войскам писал:

«Товарищи командиры, комиссары и бойцы... Сегодня в ночь вам приказано отойти на несколько верст и с японцами в бой не вступать. Народно-революционная армия не хочет войны с японским народом. Она борется во имя мирной жизни... Но пусть знает весь мир, что Народно-революционная армия, армия великого русского народа, не была побеждена никем... Товарищи! Держите крепче винтовку в руках и ждите дальнейших приказаний»¹.

Японское командование всячески затягивало эвакуацию. А тем временем войска интервентов и белогвардейцы чинили насилия над мирными гражданами и грабили город. Японские войска разрушали укрепления Владивостока, топили орудийные замки в море. Белогвардейцы расстреливали политических заключен-

¹ М. И. Губельман. Вояьба за советский Дальний Восток. М., Всениздат, 1958, стр. 243.

Музей-памятник погибшим героям в бою под Волочаской
на озере Июн-Карань

ных. Только благодаря тому, что подпольные большевистские организации по приказу Ревкома создали дружины по охране порядка, которые вызволили многих арестованных, белогвардейцам не удалось уничтожить сотни людей, обреченных на смерть.

22 октября Советское правительство и правительство ДВР выступили с протестом против намеренной затяжки эвакуации со стороны японского командования. По призыву большевиков рабочие Владивостока начали всеобщую забастовку. Лишь после этого 24 октября

было подписано наконец соглашение о вступлении Народно-революционной армии во Владивосток. На следующий день части 1-й Забайкальской стрелковой дивизии и отряд курсантов 2-й Приамурской стрелковой дивизии под радостные приветствия трудящихся вошли в город.

26 октября телеграф Московского Кремля передавал в Читу председателю Совета Министров Дальневосточной республики:

«К пятилетию победоносной Октябрьской революции Красная Армия сделала еще один решительный шаг к полному очищению территории РСФСР и союзных с ней республик от войск иностранцев-оккупантов. Занятие народно-революционной армией ДВР Владивостока объединяет с трудящимися массами России русских граждан, перенесших тяжкое иго японского империализма. Приветствуя с этой новой победой всех трудящихся России и героическую Красную Армию, прошу правительство ДВР передать всем рабочим и крестьянам освобожденных областей и гор. Владивостока привет Совета Народных Комиссаров РСФСР.

Председатель Совнаркома РСФСР

В. Ульянов (Ленин)»¹.

Не успели еще войска Народно-революционной армии завершить освобождение Дальнего Востока от интервентов и белогвардейцев, а трудящиеся сел и городов края на митингах и собраниях уже требовали лик-

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 33, стр. 345.

видации буферной Дальневосточной республики, восстановления в крае Советской власти и присоединения его к матери-родине — Советской России. 14 ноября 1922 года Народное собрание Дальневосточной республики по требованию трудящихся сложило с себя полномочия и обратилось с просьбой к Советскому правительству присоединить Дальний Восток к РСФСР и распространить на него действие Советской Конституции и советских законов. 15 ноября Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет РСФСР принял постановление объявить Дальневосточную республику неразрывной составной частью Российской Федерации.

В течение почти пяти лет отрезанные войсками белогвардейцев и интервентов от Центральной России вели самоотверженную борьбу трудящиеся Дальнего Востока. Великие испытания вышали на их долю. Зверства интервентов, издевательства атаманов и генералов, грабежи и насилия чиновников и карателей — через все это прошли рабочие и крестьяне Дальнего Востока, но не утратили веру в победу правого дела. Под руководством партии коммунистов, которую опытной рукой через все опасности и препятствия вел великий Ленин, они добились победы. Об этой победе, о славных боевых делах партизан, о жестоких боях народноармейцев под Волочаевкой и Спасском наш народ сложил замечательную песню, облетевшую весь мир:

По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперед,
Чтобы с боем взять Приморье —
Белой армии оплот...
И останутся, как сказка,
Как маяющие огни,

Штурмовые ночи Спасска,
Волочевские дни.
Разгромили атаманов,
Разогнали воевод
И на Тихом океане
Своей закончили поход...

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Дальневосточная республика в опасности	3
Генерал Молчанов получает отпор	13
Смотр сил	23
Штурм Вотчаневки	32
Борьба продолжается	50
Штурмовые ночи Спасска,	60

Гольцов Петр Спиридонович

ВО ЮЧАЕВСКИЕ ДНИ

М., Госполитиздат, 1962

79 с. с илл.

(Страницы истории Советской Родины)

9(С)22

Редактор С. Бубенщиков

На обложке фрагмент картины художника **Е. Монашова**

Художник **Г. Дебч**

Художественный редактор **Е. Веселов**

Технический редактор **А. Давылова**

Сдано в набор 3 октября 1962 г. Подписано в печать 14 ноября 1962 г.

Формат 70 × 108^{1/2}. Физ. вес л. 2^{1/2}. Условн. печ. л. 3,43. Учетно-изд. л. 3.

Тираж 150 тыс. экз. А 03554. Заказ № 3863. Цена 7 коп.

Госполитиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата Министерства культуры СССР, Москва, Краснопролетарская, 16.